

Темные тайны

Автор:

Гиллиан Флинн

Темные тайны

Гиллиан Флинн

Двадцать четыре года прошло с тех пор, когда чудовищное преступление потрясло весь Канзас: в маленьком городке пятнадцатилетний подросток зверски убил собственную семью. Тогда чудом уцелела лишь семилетняя Либби, но случившаяся трагедия наложила неизгладимый отпечаток на ее дальнейшую жизнь. Юноша отбывает пожизненное заключение, но он так и не признался в содеянном. Либби, когда-то ставшая главным свидетелем обвинения, после столь долгих лет наконец-то решает встретиться с братом. В прошлое возвращаться страшно, тем более что за его завесой скрываются зловещие тайны...

На русском языке роман выходит впервые.

Гиллиан Флинн

Темные тайны

Copyright © 2009 by Gillian Flynn

All rights reserved

This translation published by arrangement with Crown Publishers, an imprint of the Crown Publishing Group, a division of Random House, Inc. and with Synopsis Literary Agency

© Н. Калевич, перевод, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Удивительному человеку —

моему супругу Бретту Нолану

Семейство Дэев погубил не рок —

Убийцей стал брат, он же старший сынок:

Помутился у мальчишки разум —

Прилипла к нему сатанинская зараза.

Сестру Мишель он в ночи задушил,

Дебби, бедняжку, в куски изрубил,

Мать напоследок оставил —

Голову ей продырявил.

Лишь крошка Либби чудом спаслась,

Но страшная жизнь у нее началась.

Стишокстрашилка, гулявший по школьным дворам около 1985 года

Либби Дэй

Наши дни

Во мне живет некая агрессивная, злобная сущность – реальная, как внутренний орган вроде сердца или печени. Ткни меня ножом в живот – и она, мясистая и темная, вывалится, шлепнется на пол, а если на нее наступишь, влажно взвизгнет под ногами. Видно, с нами, Дэями, что-то не так. В раннем детстве я не отличалась образцовым поведением, а после тех убийств стала еще хуже. Сиротка Либби росла угрюмой нелюдимкой, кочуя между дальними родственниками, и оказывалась то у троюродных братьев и сестер, то у двоюродных теток и бабок, то у друзей друзей в разбросанных по всему штату Канзас передвижных домах-трейлерах и на дряхлеющих ранчо. Я ходила в школу в вещах погибших сестер – кофтах с застиранными грязно-желтыми подмышками, штанах, которые пузырились сзади и смешно на мне болтались, не падая только потому, что их застегивали на самую последнюю дырочку старого засаленного ремня. На школьных фотографиях у меня вечно всклокоченные волосы: на торчащих в разные стороны лохмах, словно запутавшиеся в них летающие объекты, висят заколки, под глазами темные круги, как у пьянчужки со стажем. Правда, иногда губы растянуты в вымученную нитку – там, где положено быть улыбке. Иногда.

Я не была симпатичным ребенком, а повзрослев, превратилась в еще более несимпатичную девицу. А если изобразить на бумаге мою душу, получится дурацкая каракуля с клыками.

За окном стоял отвратительно мокрый март. Лежа в постели, я предавалась любимому занятию – размышляла, как покончу с собой. Вот такое приятное дневное времяпрепровождение. Дуло пистолета в рот, громкий хлопок... голова

дергается раз, два... кровь фонтаном бьет в стену... багровые ручьи катятся вниз... «Не знаете, она хотела, чтобы ее закопали или кремировали?» – начнут расспрашивать друг друга люди. «А на похороны-то кто-нибудь придет?» Но на эти вопросы никто не сможет ответить. Эти люди, кто бы они ни были, пряча глаза или глядя куда-то в пустоту, наконец замолчат; на стол со стуком решительно поставят полный кофейник: кофе и скоропостижная смерть сочетаются идеально.

Я высунула ногу из-под одеяла, не в силах заставить себя опустить ее на пол. Наверное, у меня депрессия, но в этом состоянии я, кажется, пребываю вот уже почти двадцать четыре года. Глубоко внутри моего чахлого тела, скрытая где-то за печенью или прицепившаяся к селезенке, живет другая, лучшая часть меня. Эта Либби и заставляет меня вставать, хоть чем-то заниматься, расти, двигаться вперед. Однако после недолгой борьбы верх обычно одерживает недобрая сущность. Когда мне было семь лет, мой собственный брат зверски убил маму и двух сестер: выстрел, пара взмахов топором, удавка – и их нет. Чем после такого можно заниматься? Чего ожидать?

В восемнадцать лет в моем распоряжении оказалась сумма в триста двадцать одну тысячу триста семьдесят четыре доллара, образовавшаяся благодаря всем тем доброжелателям, которые прочитали о моей трагедии, тем благодетелям, чьи «сердца со мной». Едва услышав эту фразу (а это происходило бесчисленное количество раз), я представляю сочные сердечки с крылышками – они летят к одной из тех дыр, в которых мне приходилось обитать в детстве; вижу в окне себя маленькую: я приветственно машу руками и хватаю на лету эти яркие пятнышки, а сверху на меня сыплются деньги («О, спасибо вам огромное, СПАСИБО, я так вам благодарна!»). До моего совершеннолетия деньги лежали на строго контролируемом банковском счете, который имел обыкновение резко пополняться раз в три-четыре года, когда какой-нибудь журнал или радиостанция сообщали о том, как я живу. «Новая жизнь крошки Либби: единственной уцелевшей после резни в канзасской прерии исполнилось десять – радость с примесью горечи» (на фото я с двумя неряшливыми косицами на обильно смоченной опоссумами лужайке перед трейлером тети Дианы, а позади меня в желтой траве лежат три толстеньких теленка). «Отважная крошка Дэй отмечает шестнадцатилетие» (свечи на праздничном торте освещают лицо девчушки: я по-прежнему мелкая, в блузке, которая едва сходится на груди, выросшей в том году до четвертого размера – несуразной до неприличия на столь щедедушном теле, прямо как на картинке из комикса).

На эти деньги я жила больше тринадцати лет – их почти не осталось. Днем у меня состоится встреча, которая и прояснит, насколько серьезны потери. Ведавший моими деньгами розовощекий банкир по имени Джим Джефффриз раз в год вел меня обедать – это мероприятие у него называлось «ревизией». За едой где-то в пределах двадцати четырех долларов мы беседовали о моей жизни: он ведь знал меня – кхе-кхе – еще с тех пор, когда я была во-о-от такого роста! А я почти ничего о нем не знала, правда, никогда ни о чем и не расспрашивала – возможно, потому, что смотрела на наши встречи, как ребенок: будь вежливой, но не перестарайся и жди себе конца аудиенции. – Односложные ответы, усталые вздохи... (Он, должно быть, истинный христианин – это единственная мысль, которая приходила в голову в связи с Джимом Джефффризом, ибо его отличали терпение и оптимизм человека, полагающего, что за всем наблюдает Христос.) Следующая «ревизия» планировалась месяцев через восемь-девять, но он почему-то начал мне названивать, а в сообщениях, которые оставлял, серьезным задушевым голосом говорил, что сделал все, что было в его силах, чтобы продлить «существование фонда», но, очевидно, пришло время задуматься о «дальнейших шагах».

Внутри снова подняла голову подлая сущность: я вдруг подумала о другой девчонке из таблоидов, Джейми (не могу вспомнить ее фамилию), которая потеряла семью в том же 1985 году; ее отец устроил пожар – у нее сильно обгорело лицо, а остальные члены семьи погибли. Каждый раз, нажимая на кнопки банкомата, я думаю о том, что она отняла внимание и восхищение, которые предназначались мне. Если бы не она, у меня бы сейчас было в два раза больше денег. И вот теперь Джейми (как там бишь ее?) бродит по какому-нибудь огромному магазину с моими деньгами и покупает дорогие сумочки, украшения да косметику, которую накладывает на свое лицо со следами ожогов. Конечно, подобные мысли отвратительны (по крайней мере, я это понимаю).

Господи, ну как же тяжело вставать... Наконец с почти театральным вздохом я оторвала себя от кровати и бесцельно побрела в другую комнату. Домишко, который я снимаю, стоит в окружении таких же неказистых кирпичных домиков. Их когда-то построили безо всякого разрешения на огромном утесе с видом на бывшие скотобойни Канзас-Сити. (Речь идет о той части Канзас-Сити, которая находится в штате Миссури, а не в штате Канзас. Это, знаете ли, не одно и то же.)

Мой район даже названия не имеет, про него говорят: «Вон туда по вон той дороге». Нелепое местечко на отшибе с улочками, которые заканчиваются

тупиками и утопают в собачьих фекалиях. Во всех остальных домиках полно старичья – они живут в них с тех самых пор, как их построили, а сейчас седыми квашнями сидят за закрытыми ставнями и целый день пялятся на улицу. Иногда они осторожно, по-стариковски, пробираются к своим машинам, и тогда я чувствую себя виноватой, словно человек, который не оказывает помощь, когда она так нужна. Но им не нужна моя помощь. Это не милые божьи одуванчики, а злобные существа с поджатыми губами, которым очень не нравится, что какая-то новенькая теперь приходится им соседкой. Вся округа прям гудит презрением. А еще где-то поблизости обитает тощая рыжая собака – днем она беспрестанно лает, а ночью воет. Вечный звуковой фон сводит с ума – это понимаешь, когда на некоторое благословенное время он вдруг прекращается и потом начинается вновь.

Жизнеутверждающим у нас можно считать только утреннее воркование едва научившейся ходить малышни. Переваливаясь по-пингвиньи, круглолицые и одетые в сто одежек, уцепившись за веревочку, которую держит кто-нибудь из взрослых, они гуськом дружно топают мимо моих окон в свой детский сад, скрытый где-то в лабиринте улиц позади моего дома. Я ни разу не видела, как они возвращаются, – ей-богу, кажется, что за день они успевают обогнуть земной шар, а утром снова идут мимо. Я испытываю нечто вроде привязанности к этим, похоже, обожающим ярко-красные кофточки четверым малышам – трем девочкам и мальчику, – и если не вижу их утром (что случается, когда я просыпаюсь позже), меня одолевает тоска зеленая (то есть тоска в этих случаях зеленее обычного). Так часто говорила мама о состоянии слабее депрессии. А в зелени своей тоски я пребываю вот уже двадцать четыре года.

На встречу с Джефффризом я надела юбку и блузку, чувствуя себя карлицей: взрослые вещи мне всегда велики. Во мне всего 150 сантиметров роста (если быть абсолютно честной, то 147, но я всегда округляю). Мне 31 год, но окружающие обычно говорят со мной слегка нараспев, как с ребенком, которому хотят предложить конфетку.

Сопровождаемая назойливым лаем рыжего пса, я направилась к машине вниз по заросшему сорняками склону. К асфальту как раз возле места, где я ставлю машину, около года назад прилипли скелетики двух птенцов – расплющенные клювики и крылышки делают их похожими на древних рептилий. Смыть их отсюда, наверное, сможет только сильное наводнение.

На крыльце дома напротив разговаривали две пожилые женщины – я ощутила нарочитость, с которой они меня игнорируют. Понятия не имею, как их зовут, и если одна из них вдруг умрет, вместо того чтобы посетовать: «Умерла бедняжка Залински», я скажу: «Старая гримза из дома напротив сыграла в ящик».

Чувствуя себя крохой-привидением, я забралась в свою безликую, скромных размеров машинку, кажется сделанную в основном из пластика. До сих пор жду, когда ко мне явится представитель компании со словами: «Мы пошутили: эта конструкция ездить не способна». Минут десять я рулила в сторону центра, где мы должны были встретиться с Джефффризом, и закатилась на парковку с опозданием на двадцать минут, понимая, что он все равно расцветет в улыбке и ни словом не обмолвится о моей непунктуальности или медлительности.

По прибытии на место я должна была позвонить ему на мобильный, чтобы он меня встретил и сопроводил внутрь: это традиционное для Канзас-Сити большое кафе, специализирующееся на мясных блюдах, стоит в окружении опустевших зданий, которые внушают ему беспокойство, словно в них притаилась рота насильников, выжидающих, когда же я подъеду. Нет, Джим Джефффриз такого не допустит. Он не даст в обиду «храбрую крошку Дэй, несчастную семилетнюю малышку с огромными голубыми глазами и рыжими волосами», – единственную, кто выжил после «резни в прерии», после «жертвоприношения Сатане в фермерском доме». Бен зверски убил маму и двух моих старших сестер. Уцелела только я и признала в нем убийцу. Подобно крутой девчонке из комиксов, я отдала в руки правосудия своего брата-сатаниста, чем наделала много шума в прессе. «Инкуайерер» поместил на первой полосе мою зареванную физиономию с подписью «Лик ангела».

Я глянула в зеркало заднего вида – оттуда на меня до сих пор смотрит это детское личико. Веснушки поблекли, зубы выровнялись, но нос остался прежней приплюснутой картошкой, как у мопса, а глаза – круглыми, как у котенка. Я крашусь в очень светлую блондинку, но рыжие корни выдают мой истинный цвет. Создается впечатление, особенно на закате, что череп кровоточит – зрелище не для слаонервных. Я закурила. Месяцами обхожусь без сигарет, а потом вдруг вспоминаю: хочу курить. В этом я вся: никаких привязанностей, ничто меня не цепляет и за душу не берет.

– Ну что, крошка Дэй, вперед! – произнесла я вслух. Я к себе так обращаюсь, когда чувствую, что внутри кипит ненависть.

Я выбралась из машины и направилась ко входу в заведение, держа сигарету в правой руке, чтобы не смотреть на изуродованную левую. На город надвигался вечер. По небу плыли облака, похожие на гигантских буйволов; солнце опустилось настолько, что его гаснущие лучи окрасили все вокруг в розовый цвет. Ближе к реке внутри сложного переплетения автострад торчали отжившие свой век элеваторы, темные, безжизненные и совершенно бессмысленные.

Я пересекла парковку одна, наступая на россыпь битого стекла. На меня никто не напал: в конце концов, было всего лишь пять часов вечера. Джим Джеффриз ужинал рано и этим гордился.

Когда я вошла в зал, он сидел у барной стойки, потягивая сладкую газировку. Я представила, что сейчас он первым делом вытащит из кармана мобильный и устанется на экран, словно техника его подвела.

- Ты звонила? - нахмурился он.

- Забыла, - солгала я.

Он улыбнулся:

- Ну и ладно. Все равно, девочка, рад тебя видеть. Потолкуем о деле?

Оставив на стойке два доллара, он, ловко маневрируя между столами, подвел меня к столику, отгороженному от остального пространства красным кожаным диваном с высокой спинкой. - Из потрескавшейся кожи высывались желтые внутренности, подушки провоняли дымом от сигарет, а рваные кожаные края неприятно царапали икры.

В моем присутствии Джеффриз не только сам никогда не прикасался к спиртному, но и ни разу не поинтересовался, хочу ли выпить я. Однако на этот раз, когда к нам подошел официант, я, проявив инициативу, заказала себе бокал красного вина и наблюдала, как он пытается скрыть удивление, или разочарование, или что там еще, что мог чувствовать только Джим Джеффриз. «Какое красное?» - поинтересовался официант. Ну откуда мне знать! Я не запоминаю названия марок ни белых, ни красных вин, к тому же понятия не имею, какую часть названия следует произносить вслух, поэтому просто сказала «фирменное». Джеффриз заказал стейк, я - запеченный картофель с двумя

наполнителями. Когда официант отошел, Джефффриз длинно вздохнул, прямо как врач-стоматолог, и произнес:

– Итак, Либби, для нас начинается совершенно новый, не похожий на прежний, жизненный этап.

– И сколько же осталось? – спросила я, про себя заклиная: «Ну скажи десять тысяч, скажидесятьтысячскажи».

– Ты читаешь отчеты, которые я тебе посылаю?

– Иногда читаю, – снова солгала я. Вообще-то мне нравится получать почту, а не читать; наверное, они валяются дома где-то в куче бумаг.

– А сообщения от меня прослушиваешь?

– Мне кажется, у вас барахлит телефон. Связь часто обрывается.

Впрочем, я слушала достаточно, чтобы понять, что оказалась в весьма затруднительном положении. Обычно я отключаюсь после первого же предложения Джефффриза, которое всегда начинается одинаково: «Либби, это твой друг Джим Джефффриз».

Он поставил перед собой ладони домиком и оттопырил нижнюю губу.

– Итак, осталось девятьсот восемьдесят два доллара двенадцать центов. Как я упоминал ранее, если бы у тебя была хоть какая-то постоянная работа и ты бы пополняла счет, мы бы сумели его поддерживать, но... – Он всплеснул руками и поморщился. – Но дела обстоят иначе.

– А как же книга? Разве она...

– К сожалению, Либби, книга ничего не дает. И я повторяю это не первый год. Твоей вины тут нет, просто она... Нет, ничего.

Шесть лет назад по случаю моего двадцатипятилетия в одном издательстве, которое специализируется на книгах по самопомощи, меня попросили написать,

как я победила «призраки прошлого». Ничего я особо не побеждала, но все-таки согласилась. Книгу писала дама из Нью-Джерси, с которой я беседовала по телефону. Книга вышла в свет в 2002 году накануне Рождества с моей фотографией на обложке – там я с очень неудачной стрижкой. Книжка называлась «Начните новую жизнь! Как не только справиться с детской душевной травмой, но и преодолеть ее последствия (советы Либби Дэй)». Двести страниц душещипательной и одновременно оптимистичной каши сопровождалась несколькими моими старыми фотографиями с погибшей семьей. Мне заплатили восемь тысяч долларов, а еще меня пригласили к себе выступить несколько групп оставшихся в живых при разных обстоятельствах людей. Я слетала в Толидо, где встречалась с мужчинами, которые остались сиротами в раннем возрасте, и побывала в Талсе на особой встрече с подростками, чьих матерей убили отцы. Я подписывала книжки детям – они открывали рты от удивления и задавали неожиданные вопросы вроде «Пекла ли ваша мама пироги?». Я оставляла бодрые лозунги в книжках для седых убогих стариков, а они рассматривали меня через бифокальные очки, обдавая запахом кофе и несварения желудка. У всех, кто приходил на эти встречи, был измученный вид отчаявшихся людей. Они топтались вокруг меня жидкими группками, но как только я поняла, что мне за это больше не заплатят, я отказалась ехать куда бы то ни было. Да и книжка не оправдала ожиданий.

– Но ведь она должна была принести больше денег, – пробормотала я.

Так хотелось, чтобы книжка давала доход. Как ребенку – всей душой. То самое чувство, когда кажется: если чего-то очень сильно захотеть, непременно это получишь. Не можешь не получить.

– Согласен, – сказал Джефффриз и замолчал, потому что по прошествии шести лет ему нечего было добавить по этому вопросу. Некоторое время он молча наблюдал, как я пью вино. – Но, Либби, в некотором смысле сегодняшнее положение дел открывает для тебя по-настоящему интересный этап в жизни. Скажи, кем бы ты хотела стать?

Наверное, в эти слова он вкладывал особое чувство, но вместо умиления они вызвали во мне взрыв негодования: никем – и все дела!

– Денег нет совсем?

Джефффриз печально покачал головой и начал подсаживать только что принесенный стейк в лужице крови цвета вишневого сока.

– И никаких новых поступлений? Ведь приближается двадцать пятая годовщина. – Я почувствовала очередной всплеск злобы, теперь в его адрес, – за то, что он заставил меня произнести эти слова. Бен начал свою жуткую охоту в два часа ночи 3 января 1985 года. Время врезалось в память, и вот я жду годовщины – не чудовищно ли! Господи, ну почему не осталось хотя бы тысяч пять!

Он снова покачал головой:

– Денег больше нет. Тебе ведь уже тридцать, да? Ты взрослая женщина. Жизнь не стоит на месте. Люди хотят помогать другим маленьким девочкам, а не...

– Не мне...

– К сожалению, это так.

– Говорите, не стоит на месте?

Я почувствовала, что меня бросили, предали; я всегда испытывала подобное чувство в детстве, когда какая-нибудь моя тетушка или троюродная сестра привозила меня к другой тетушке или троюродной сестре, дескать, пусть немного поживет у тебя – я сделала все, что могла, больше не могу. Очередная родственница с недельку героически меня терпела, изо всех сил пытаюсь совладать с озлобленным маленьким существом, каким была я, но потом... Конечно, положила руку на сердце, в этом есть и моя вина. Целиком и полностью моя – и это не самобичевание жертвы. В гостиной у одной я распысила лак для волос и устроила пожар. Диана, мамина родная сестра и моя обожаемая тетка, моя наставница, много раз брала меня к себе, потом отсылала, но в конце концов навсегда закрыла для меня двери своего дома. Каких только пакостей я ей не делала!

– К сожалению, Либби, происходят новые убийства, – дудел Джефффриз. – У людей короткая память. Подумай только, как все переживают из-за Лизетт Стивенс.

Лизетт Стивенс, хорошенькая двадцатипятилетняя брюнетка, исчезла еще в конце ноября, когда возвращалась домой от родственников после семейного обеда по случаю Дня благодарения. На поиски бросился весь Канзас-Сити; едва включишь телевизор, как с экрана на тебя смотрит ее улыбающееся лицо. В начале февраля о ней уже знала вся Америка. Прошел еще месяц – никаких новостей, и сейчас все кругом прекрасно понимали, что ее нет в живых, но первым признавать поражение не желал никто.

– Но, – продолжал Джефффриз, – мне кажется, всем хотелось бы думать, что в жизни у тебя все хорошо.

– С ума сойти!

– Может, стоит закончить колледж? – Он отхватил большой кусок мяса.

– Нет.

– А что, если мы попробуем найти тебе работу в какой-нибудь конторе – займешься делопроизводством, или чем там еще занимаются?

– Нет.

Я внутренне сжалась, забыла о еде, распространяя вокруг себя флюиды мрачной враждебности. Еще одно мамино слово: «мрачность». Это состояние зеленой тоски, которая действует на нервы окружающим, – тоски на грани агрессии.

– Давай-ка ты недельку поразмыслишь над моими словами, хорошо?

Он быстро поглощал стейк, вилка споро двигалась от тарелки ко рту. Он собирался уходить. Джим Джефффриз сделал все, что мог.

Он ушел, оставив три письма и одарив меня улыбкой, которая, вероятно, была призвана излучать оптимизм. Три письма, на которые и посмотреть-то не хотелось. Было время, когда Джефффриз передавал мне разбухшие от писем коробки из-под обуви, при этом большинство конвертов – с чеком внутри. Я возвращала ему уже подписанные чеки; а даритель через некоторое время получал написанное

моим крупным почерком коротенькое письмо: «Благодарю вас за пожертвование. Поддержка таких, как вы, людей позволяет мне надеяться на более счастливое будущее. Искренняя ваша Либби Дэй». Именно так и было написано – «искренняя»: Джим Джеффрис полагал, что это невероятно трогательно.

Но коробки с пожертвованиями остались в прошлом – и вот теперь передо мной всего три письма и целый вечер, который нужно как-то убить. Я отправилась домой, несколько встречных машин помигали мне, пока я не поняла, что еду с потушенными фарами. На горизонте мерцали огоньки восточной части Канзас-Сити. Что можно делать, чтобы мне платили? Что в таких случаях делают взрослые люди? Я представила себя в шапочке медсестры с термометром в руке; затем – в ладно подогнанной синей форме полицейского: я веду через улицу ребенка; потом – с ниткой жемчуга на шее и в фартуке с веселенькими цветочками: я на кухне готовлю обед для обожаемого мужа. «До чего же у тебя мозги набекрень, – сказала я себе, – если представление о взрослой жизни ты до сих пор черпаешь из книжек с картинками». Но даже при этой мысли я представляла, как мелом пишу на доске алфавит, а за спиной у меня счастливые лица первоклашек.

Нет, нужно подумать о чем-то более реальном, скажем, связанном с компьютерами. Ввод данных – чем не работа? А может, обслуживание клиентов в магазине? А еще я когда-то смотрела фильм, в котором героиня зарабатывала на жизнь, гуляя с собаками, – женщина всегда была одета в комбинезон и подходящие по цвету свитера, в руках неизменно были цветы, а собаки демонстрировали любовь и пускали слюни. Но я не люблю собак – я их боюсь. Наконец мысли обратились к фермерству. В конце концов, наша семья им занималась в течение целого столетия, вплоть до мам... пока Бен ее не убил. А потом ферму продали.

Но я не умею вести фермерское хозяйство. У меня остались воспоминания о нашей ферме: Бен пробирается сквозь холодную весеннюю грязь, отталкивая путающихся под ногами телят; мама запускает огрубевшие руки в мешок с твердыми катышками темно-вишневого цвета, которые потом прорастают из земли пушистыми метелками сорго. Мишель и Дебби с визгом скачут на сене. «Колется!» – жалуется Дебби и снова с воплями прыгает на колючую кучу. Кофеварка... Я не могу долго предаваться этим воспоминаниям – словно особо опасная зона, они у меня называются «Черная дыра». Едва мысли задерживаются над тем, как мама в очередной раз пытается вернуть к жизни

дурацкую кофеварку или как танцует Мишель в теплой ночнушке и натянутых на колени гольфах, я тут же оказываюсь в Черной дыре. Леденящие душу кровавые звуки в ночи. – Бесстрастно и ритмично, словно рубит дерево, двигается топор, от него не спрячешься, не скроешься. Выстрелы в тесном коридоре. Пронзительный, как у встревоженной и почуявшей беду сойки, мамин крик – ей уже снесли полчерепа, а она все равно пытается спасти своих детей.

«Кстати, чем занимается секретарь-референт?»

Я остановила машину у дома и, выбравшись из нее, ступила на бетонный тротуар, на котором не один десяток лет назад кто-то выбил «Джимми + Тина = любовь». Иногда воображение рисует картинки того, что случилось с этой парочкой. Например, он играет в третьеразрядной бейсбольной команде – она домохозяйка в Питсбурге и болеет раком. Или: он разведенный пожарный – она адвокат, а в прошлом году утонула в Мексиканском заливе. Или: она работает учительницей в школе, а он в двадцать лет скоропостижно скончался от какой-то из аневризм. Занимательное, хотя и мрачное, упражнение для ума; но в любом случае один из них у меня непременно отправлялся на тот свет.

Я подняла глаза на крышу своей съемной хибары – не очень ли ее перекосило. Если она рухнет, я мало что потеряю. Единственная принадлежащая мне ценность – очень старый кот по имени Бак, который терпит меня со всеми моими недостатками. – Оказавшись на кривых мокрых ступенях, я услышала его сердитое мяуканье: ну конечно, я же его сегодня не покормила. Я открыла дверь, древний кот медленно поковылял ко мне, как развалюха со спущенным колесом. В доме не осталось кошачьего корма (я должна была его сегодня купить, но забыла), поэтому я вытащила из холодильника затвердевший сыр, дала коту несколько кусочков и пахнущими скисшим молоком пальцами вскрыла первый конверт.

До второго и третьего руки так и не дошли.

Уважаемая мисс Дэй!

Вы получите это письмо по обычной почте, поскольку у Вас, кажется, нет электронной. Надеюсь, оно до Вас дойдет. Я о Вас читал и в течение ряда лет внимательно слежу за событиями Вашей жизни. Очень интересно узнать, как Вы

поживаете и чем занимаетесь сейчас. Встречаетесь ли с людьми? Группа, которую я представляю, готова заплатить Вам 500 долларов только за то, что Вы побываете у нас. Свяжитесь со мной, пожалуйста, и я с радостью сообщу о деталях.

С наилучшими пожеланиями,

Лайл Вирт.

P. S. Настоящее письмо представляет собой легитимное деловое предложение.

Что это? Ресторан со стриптизом? Порно клуб? Бордель? В вышедшей шесть лет назад книжке были снимки взрослеющей Либби Дэй; самый выдающийся – где мне семнадцать лет: огромная грудь едва не вываливается из ветхого белого лифчика с завязками на шее. Я тогда получила несколько недвусмысленных предложений из редакций каких-то «голых» журналов; впрочем, ни один не назвал сумму, которая заставила бы меня над ними поразмыслить. Так что, если эти ребята хотят, чтобы я разделась, 500 долларов – слишком дешево даже при моем нынешнем положении. Нет («Думай о хорошем, крошка Либби!»), а вдруг это действительно вполне легитимное предложение от очередной группы скорбящих, которые хотят со мной встретиться, чтобы у них появился повод поговорить о себе? Что ж, в таком случае 500 долларов за пару часов сочувствия – вполне достойный бартер.

Письмо было распечатано, и только номер телефона подписали внизу от руки. Я набрала его, ожидая, что включится автоответчик. Вместо этого повисла странная пауза: трубку взяли, но на другом конце провода царило молчание. Я ощутила дурацкую неловкость, словно позвонила человеку, в доме которого тайно от меня собрались гости.

Через несколько секунд мужской голос произнес:

– Алло?

– Здравствуйте, это Лайл Вирт?

Бак усердно терся о мою ногу, выпрашивая добавку.

– Кто говорит?

И снова на другом конце оглушающая пустота. Будто человек находится на дне глубокой ямы.

– Это Либби Дэй. Я получила от вас письмо.

– Ой, ничего себе! Правда?! Либби Дэй? Ух ты! Где вы находитесь? Вы в городе?

– О каком городе вы говорите?

Собеседник – мужчина или юноша (голос у него был молодой) – крикнул кому-то позади себя, но я только расслышала: «Я уже это сделал», – и тут же ухнул мне прямо в ухо:

– Вы в Канзас-Сити?! Вы здесь живете?

Я уже собралась повесить трубку, но парень начал повторять: «Вы слушаете?» – как будто я нерадивая ученица, витающая на уроке в облаках. Я сказала, что действительно живу в Канзас-Сити, и спросила, чего он хочет. Он пару раз крякнул, потом, коротко рассмеявшись, пробормотал: «Ну надо же! С ума сойти!» – и наконец сказал:

– Я же написал, что хочу попросить вас прийти на встречу... возможно...

– По какому поводу?

– Видите ли, на следующей неделе у нас в клубе конференция, и мы...

– Что за клуб?

– Он не совсем обычный. Что-то вроде тайного общества...

Я молчала – пусть выкручивается. Чувствовалось, что после бодрого начала он растерялся. Отлично.

– В общем, по телефону не объяснишь. Могу я пригласить вас на кофе?

– Не поздновато для кофе? – сказала я и вдруг поняла, что он, возможно, имел в виду не сегодняшний день, а какой-то другой, и снова вспомнила, что придется как-то убить еще четыре-пять часов.

– В таком случае, может быть, на пиво? Или на бокал вина?

– Когда?

Молчание.

– Сегодня.

Молчание.

– Хорошо.

Лайл Вирт имел внешность серийного убийцы. Это означает, что он, наверное, совсем не такой, потому что, если человек убивает топором проституток или поедает детей, убежавших из дома, он старается внешне ничем не отличаться от других. Он сидел за грязным столом в середине зала «Гриль-бара Тима Кларка», дешевого заведения при барахолке, впрочем снискавшего заслуженную славу за свои барбекю; забегаловку слегка облагородили, и теперь ее посетители представляли довольно странную смесь из седовласых завсегдадаев и пиджонов в узких, обтягивающих джинсах и с нарочито небрежной стрижкой. Лайл не принадлежал ни к тем, ни к другим. Ему, скорее всего, было немногим больше двадцати. С волнистыми волосами неопределенного темного цвета он, судя по всему, пытался справиться при помощи чересчур большого количества геля, но наносил его совсем не там, где нужно, отчего одна часть волос торчала в разные стороны, а другая блестела. Очки без оправы; обтягивающая фирменная кожаная ветровка и джинсы тоже в обтяжку, но не по-модному, а просто по фигуре. А вот черты лица слишком

нежные, чтобы быть привлекательными в мужчине. Не должен мужчина иметь губы, похожие на бутон розы.

Когда я направлялась к его столику, он поднял глаза, но сначала не узнал меня – он просто оценивал незнакомку, но когда я приблизилась, до него вдруг дошло: веснушки, телосложение птенца, вздернутый нос, который кажется тем более курносим, чем дальше на него смотришь.

– Либби! – начал он, но, решив, что это слишком фамильярно, добавил: – Дэй! – Он поднялся из-за стола, выдвинул стул, потом, словно пожалев о своей галантности, сел. – Вы блондинка.

– Ага, – сказала я.

Терпеть не могу людей, которые начинают разговор с констатации факта – а дальше-то что? «Жарко сегодня». Да, и что? Я поискала глазами официанта, чтобы заказать что-нибудь выпить. Спиной к нам, оттопырив симпатичную попку, стояла официантка с роскошными черными волосами, и я постучала пальцем по столу. Она обернулась – передо мной предстало лицо по крайней мере семидесятилетней старухи; румяна и пудра забились в глубокие морщины, на руках синели вены. Она нагнулась ко мне, чтобы взять заказ, и где-то внутри у нее что-то хрустнуло, а когда я попросила всего лишь безалкогольного пива, она недовольно фыркнула.

– Здесь отлично готовят говяжью вырезку, – сказал Лайл, но сам при этом допивал что-то похожее на молочный коктейль.

Я совсем не ем мяса, по крайней мере с тех пор, как вырезали мою семью, к тому же еще не отошла от стейка, который поглощал Джим Джефффриз. Я отказалась и в ожидании пива начала, как турист, крутить головой. Первое, что бросилось в глаза, – грязные ногти Лайла. А у пожилой официантки спустился на лоб парик – мокрые седые пряди прилипли к шее. Часть она попыталась запихнуть обратно, другой рукой подхватывая порцию горячей жареной картошки. Толстый дядька за соседним столиком ел ребрышки и изучал свое приобретение – безвкусную старую вазу с русалкой, оставляя на русалочьей груди жирные следы своих пальцев.

Молча и решительно поставив передо мной пиво, официантка замурлыкала и повернулась к нему, называя «дружок».

– Так что это у вас за клуб? – обратилась я к Лайлу.

Он покраснел и нервно задергал ногой под столом.

– Вы ведь знаете, кто-то помешан на футболе, кто-то собирает открытки про бейсбол?

Я кивнула. Он как-то странно хохотнул и продолжил:

– А женщины, например, читают сплетни в журналах и знают все о каком-нибудь артисте – например, как его называли в детстве или в каком городе он тогда жил.

Я неопределенно мотнула головой, не теряя бдительности.

– Что-то подобное происходит и у нас, вот только мы называем его Клуб Смерти.

Я глотнула пива, на носу выступили капельки пота.

– Не так он и зловещ, как может показаться.

– Названьице еще то!

– Вы же знаете, как некоторым нравятся тайны и загадки? Иные отдают все свое время блогам, посвященным реальным преступлениям. В общем, в наш клуб и входят такие люди. Каждый поглощен расследованием определенного преступления: убийство в две тысячи втором году Лейси Питерсон на восьмом месяце беременности, дело Джеффри Макдоналда, которого обвинили в убийстве жены и двух дочерей в тысяча девятьсот семидесятом году, история Лиззи Борден, вероятно причастной к убийству отца и мачехи в тысяча восемьсот девяносто втором году... ваш случай. Вами и вашей семьей у нас в клубе занято очень много людей. Гораздо больше, чем убийством в девяносто шестом году малышки ДжонБеней Рэмзи, которая участвовала в детских конкурсах красоты. – Он заметил, как скривилось мое лицо. – То, что случилось,

настоящая трагедия. И ваш брат в тюрьме вот уже почти двадцать пять лет?

- Мне его не жаль, потому что он убийца.

- Ну да. - Он взял в рот кусочек молочного льда. - Вы когда-нибудь с ним об этом разговаривали?

Захотелось привести доводы в свое оправдание. Многие считают, что Бен не виновен. Мне присылают по почте вырезки из газет со статьями о нем, но я их никогда не читаю - рву, едва увидев его на снимке: рыжие волосы спускаются до плеч, как у Христа, и такое же умиротворенное лицо. Ему скоро сорок. За все эти годы я ни разу его не навестила. По иронии судьбы, он отбывает срок в тюрьме, что на окраине нашего родного городка Киннаки в штате Канзас, где он, между прочим, и совершил убийства. Нет, меня туда совсем не тянет.

Среди почитателей Бена в основном женщины. Тугие на ухо пожилые дамы, дамы в брючных костюмах и с «химией» на голове, с поджатыми губами и горящим взглядом. Время от времени, сверкая глазами, они возникают на моем пороге и говорят, что мои показания не соответствуют действительности. Меня, дескать, запутали, запугали, обманули, и в семилетнем возрасте я под присягой сказала, что мой брат убийца. Они часто на меня кричат и всегда брызжут слюной. От нескольких я даже получила пощечину. Что делает их еще менее убедительными: очень легко не считаться с мнением истеричек с красным от гнева лицом.

Но кто знает, если бы они на меня не давили, им бы, возможно, и удалось меня переубедить.

- Нет, с Беном я не общаюсь. Если вы об этом, то мне ваше предложение неинтересно.

- Нет-нет, что вы! Вы просто придете - у нас будет что-то вроде конференции, - мы зададим вам много вопросов, потому что вы знаете то, чего мы просто не можем знать. Вы действительно не вспоминаете о той ночи?

Осторожно - Черная дыра.

– Нет, не вспоминаю.

– Возможно, вы узнаете что-нибудь интересное и для себя. Некоторым нашим фанатам... то есть, я хотел сказать, экспертам известно об этом деле больше, чем следователям, которые его вели.

– Стало быть, соберется компания, которая хочет убедить меня в невиновности Бена.

– Что ж, возможно... А может быть, вам удастся убедить их в обратном. – Я уловила в его тоне покровительственные нотки. Он подался вперед, плечи напряглись, он был взволнован.

– Я хочу тысячу долларов, – сказала я.

– Могу дать семьсот.

Я снова оглядела зал и неопределенно пожала плечами. Вообще-то я не откажусь ни от каких денег, которые мне готов предложить Лайл Вирт, ибо в противном случае передо мной маячит вполне реальная перспектива в ближайшее время начать поиски работы, чего мне делать совсем не хочется. Я не из тех, кого можно заставить что-то делать пять дней в неделю. Я даже не всегда пять дней подряд встаю с постели, а иногда забываю поесть. Мысль о том, что придется являться в присутственное место и отсиживать там восемь часов (целых восемь часов вне дома!), была невыносима.

– Что ж, подойдет и семьсот, – сказала я.

– Вот и отлично. Будет много коллекционеров, так что приносите любые сувениры – то есть, я хотел сказать, предметы, связанные с вашим детством, которые вы, возможно, захотите продать. Может статься, вы уйдете оттуда с двумя тысячами долларов – легко! Особенно ценятся письма. И конечно, чем более они личные, тем лучше. Все, что датируется днями накануне преступления – третьего января семьдесят пятого года. – Он произнес это как заученный текст, который повторял не однажды. – Любая вещица, связанная с вашей мамой. Людям чрезвычайно... интересна ее личность.

Их всегда это интересовало. Люди всегда хотели знать, что это за женщина такая, если ее с такой жестокостью убивает собственный сын?

Пэтти Дэй

2 января 1985 года

8:02

Он снова говорил по телефону, она слышала этот мультяшный звук его голоса за дверь. Недавно он решил, что у него должен быть отдельный аппарат, – он утверждал, что полшколы имеет собственные номера в телефонной книге, это даже называется Детской телефонной станцией. Она тогда рассмеялась в ответ, а потом рассердилась, потому что он на нее рассердился за то, что она смеется. (Детская телефонная станция? Ты это серьезно? Баловство, да и только.) Потом ни она, ни он больше не возвращались к этой легко выводившей обоих из себя теме, а через несколько недель он пришел из магазина, глядя под ноги, и показал, что у него в пакете: переходник для телефона, позволявший подключить к линии еще один телефон, и невероятно легкий пластиковый аппарат, мало отличавшийся от игрушечного аналога, с которым девочки когда-то изображали секретарш. «Офис Бенджамина Дэя», – произносила одна из них в розовую трубку, пытаясь вовлечь в игру старшего брата. Бен в таких случаях обычно улыбался и просил оставить сообщение, но в последнее время совсем перестал обращать на сестер внимание.

С тех самых пор, как сын принес свои покупки, в доме Дэев поселилась фраза «этот проклятый телефонный шнур» – он тянулся от розетки в кухне по столу, дальше по полу в коридоре и исчезал в щели под отныне всегда закрытой дверью в его комнату. Хотя бы раз в день кто-нибудь непременно о шнур спотыкался, что тут же сопровождалось криком (если это была одна из девочек) или проклятием (если это была Пэтти или сам Бен). Она неоднократно просила его закрепить провод на стене, он же с одинаковым постоянством обещал, но ничего не делал. Она старалась убедить себя, что это не более чем обычное подростковое упрямство, но для Бена такое поведение было чересчур агрессивным, она переживала, что в нем появляется озлобленность, лень или что-то похуже, о чем и думать-то страшно. С кем он разговаривает? До

внезапного появления в их доме второго телефонного аппарата ему почти никто не звонил. У него было два добрых приятеля – братья Мюллеры, активисты местного отделения «Будущих фермеров Америки», до того неразговорчивые, что они иногда вешали трубку, если к телефону подходила Пэтти, – приходилось говорить Бену, что только что звонил Джим или Эд. Но раньше он никогда не вел таких долгих бесед, тем более за закрытыми дверями.

Может быть, у сына в конце концов появилась девушка, но даже слабый намек смутил его настолько, что и без того бледная кожа побелела еще больше, а светлые веснушки предостерегающе запылали. У нее опускались руки. Она не относилась к тем матерям, которые вламываются в жизнь своих детей, к тому же она понимала, как трудно пятнадцатилетнему мальчишке найти уединение в доме, где полно женщин. А после того как однажды, придя из школы, он застал у себя в комнате рывшуюся на полках Мишель, он повесил на дверь амбарный замок. – Установка замка была тоже преподнесена как свершившийся факт: молоток, несколько ударов по гвоздям – и вот он висит, и теперь его собственное мальчишеское гнездышко под надежной защитой. Разве можно его в этом обвинять? За годы, прошедшие после того, как съехал Раннер, дом постепенно становился все более девчачьим: занавески на окнах, кушетки, даже свечи были сплошь абрикосового цвета и в рюшечках, оборочках и завитушках. Во всех шкафах, на всех полках стояли ботиночки и розовые туфельки, лежали штанишки в цветочек и заколки для волос. Поэтому можно понять столь немногочисленные акты самоутверждения в виде затейливо изгибавшегося телефонного шнура да массивного, достойного мужчины, замка.

За дверью неожиданно раздался смех, и от этого стало еще более не по себе. Бен никогда не отличался смешливостью, даже в раннем детстве. Лет в восемь он как-то раз холодно посмотрел на Мишель и объявил: «Мишель страдает хихиканьем», словно это болезнь, которую надо лечить. Пэтти считала его стоиком, но его замкнутость и необщительность шли дальше. Конечно, Раннер его совершенно не понимал и не знал, как с ним себя вести. Он то устраивал с ним дикие игры (Бен цепенел и не реагировал на то, что отец катает его по полу, как крокодила), то обзывал его (Раннер громко жаловался, что ребенок зануда, со странностями и ведет себя как девчонка). Сама она тоже не сильно преуспела, а недавно купила книгу о том, как себя вести с сыном-подростком, и прятала ее под кроватью, как какое-нибудь порнографическое издание. Автор советовал не тушеваться, задавать вопросы, добиваться ответов, но у нее не получалось. Она чувствовала: с Беном творится что-то неладное, его сейчас беспокоит и злит нечто куда более серьезное, чем неверно сформулированный вопрос, – злит и выливается в это невыносимое, звенящее молчание. Но чем

больше она пыталась понять его поведение, что-то у него выяснить, тем больше он уходил в себя и прятался. У себя в комнате. И разговаривал с людьми, которых она не знала.

Дочери тоже встали, причем очень-очень давно. Ферма, даже столь жалкая и убогая, как эта, требует, чтобы хозяева рано вставали и выполняли ежедневные зимние работы. Сейчас они резвились на снегу. Она выставила их за дверь, как озорных щенят, чтобы они не разбудили Бена, и рассердилась, когда услышала, что он разговаривает по телефону, – значит, он тоже проснулся. Отчасти по этой причине она затеяла блины – любимое кушанье дочерей: чтобы сравнять счет. Дети постоянно обвиняют ее в том, что она встает на чью-нибудь сторону: Бена она вечно просит проявлять терпение в общении с этими маленькими существами в бантах и рюшках; девочек – пожалуйста, не шуметь, пожалуйста, не приставать к брату. Десятилетняя Мишель – старшая из них, Дебби девять лет, а Либби семь. («Господи, мам, ты их прям как кутят рожала, что ли!» – слышался ей осуждающий голос Бена.) Сквозь прозрачную занавеску на окне она посмотрела на дочерей – роли были распределены как обычно: Мишель и Дебби, главный распорядитель и помощница, строят снежную крепость по только им ведомому плану, которым они не поделились с Либби; Либби пытается помочь, подносит снежки, и камни, и длинную кривую палку, но ей отказывают, почти не глядя в ее сторону. В конце концов Либби ударяется в громкий рев, а потом пинает крепость ногами, и вся конструкция разваливается. Пэтти отвернулась от окна, зная, что дальше будут кулачные бои и слезы, но у нее не было настроения вмешиваться.

Дверь комнаты Бена тихонько скрипнула, и тяжелые шаги в конце коридора сказали ей, что он снова в этих своих огромных черных ботинках, которые она ненавидит. Даже не смотри на них, велела она себе. То же самое она себе говорила, когда он надевал камуфляжные штаны. («Отец ведь надевал камуфляжные штаны», – огрызнулся он, когда она делала ему замечание. «На охоту, он надевал их на охоту», – уточняла она.) Как же она скучала по тому мальчику, который любил неброскую одежду и носил исключительно джинсы и клетчатые рубашки с пристегивающимся воротничком. По обожавшему игрушечные самолеты мальчику с темно-рыжими кудрями.

Он вошел в черной джинсовой куртке, черных джинсах и надвинутой почти на глаза вязаной шапочке, что-то пробормотал и направился к выходу.

– Только после завтрака, – сказала она вслед.

Он остановился, повернулся к ней вполоборота:

- Мне надо кое-что сделать.

- Успеешь, сначала садимся завтракать.

- Ты же знаешь, я ненавижу блины.

Черт побери.

- Что ж, приготовлю тебе что-нибудь другое. Садись.

Он ведь не сможет не подчиниться прямому приказу? Они уставились друг на друга, Пэтти уже приготовилась сдаться, но Бен, красноречиво вздохнув, плюхнулся на стул и начал крутить в руках солонку, потом высыпал соль на стол и сделал из нее пирамиду. Она чуть не потребовала, чтобы он прекратил, но вовремя остановилась. Пока достаточно, что он все-таки сел за стол.

- С кем это ты сейчас разговаривал? - спросила она, наливая ему апельсинового сока и зная, что он назло ей к нему не притронется.

- Кое с какими людьми.

- Людьми? Во множественном числе?

Он только приподнял бровь.

Входная дверь открылась, громко стукнулась о стену, и она услышала топот сапожек на коврике у двери - до чего же дисциплинированные девочки, сбивают снег, чтобы не оставлять следов. Ссора, должно быть, давно закончилась миром. Мишель и Дебби уже щебетали о каком-то мультике по телевизору. Либби же сразу вошла, уселась на стул рядом с Беном и стряхнула с волос прилипшие льдинки. Из дочерей только она знала, как его разоружить. Она улыбнулась ему, махнула рукой и тут же усталилась перед собой.

- Эй, Либби, - сказал он, продолжая манипуляции с солью.

– Эй, Бен. Мне нравится твоя соленая гора.

– Спасибо.

Пэтти увидела, как Бен снова забрался в свою раковину, когда в кухню вошли Мишель и Дебби и их звонкие голоса заполнили помещение.

– Мама, Бен безобразничает, – пожаловалась Мишель.

– Ничего страшного, доченька. Блины почти готовы. Бен, тебе яичницу?

– А почему ему яичницу? – заныла Мишель.

– Бен, тебе яичницу?

– Ага.

– Я тоже хочу, – включилась Дебби.

– Ты ведь не любишь яйца, – вмешалась Либби. Она с завидным постоянством вставала на защиту брата. – Бену нужно есть яйца, потому что он мальчик. Мужчина.

У Бена это вызвало легкую улыбку, что заставило Пэтти выбрать для Либби особенно круглый и симпатичный блин. Она разложила блины по тарелкам, пока яичница скворчала на сковороде. Хорошо, еды хватило на всех, но это последнее из того, что осталось от Рождества. Она не будет переживать об этом сейчас – об этом потом, после завтрака.

– Мам, а у Дебби локти на столе, – сказала Мишель своим обычным поучающим тоном.

– Мам, а Либби не помыла руки, – это снова Мишель.

– Ты тоже не помыла, – это уже Дебби.

– А никто не помыл, – засмеялась Либби.

– Воистину, вонючка, – сказал Бен и ткнул ее в бок.

Это у них была какая-то старая хохма; Пэтти не знала ни откуда они ее взяли, ни с чего все началось. Либби запрокинула голову назад и рассмеялась еще сильнее, но на этот раз неестественным, театральным смехом, только чтобы угодить Бену.

– Сам такая штучка, – продолжая хохотать, выдала Либби, очевидно, положенный ответ.

Пэтти намочила тряпку и передала по кругу, чтобы все протерли руки, не вставая из-за стола. То, что Бен снизошел до того, чтобы поддразнить одну из сестер, было теперь редким событием, и, кажется, если все будут за столом, настроение у нее может не испортиться. Ей так необходимо это хорошее настроение – точно так же человек, не спавший ночь, мечтает о том, чтобы оказаться в постели. Каждое утро, просыпаясь, она дает себе зарок, что не позволит мыслям о ферме себя угнетать, не позволит, чтобы гибель фермы (а у нее трехлетний долг по выплате ссуды, три года – и никакого выхода) превращала ее в изможденную, унылую женщину, не способную радоваться жизни, в человека, которого она в себе ненавидит. Каждое утро она падала на колени на старенький коврик у кровати и молилась, хотя это было больше похоже на клятву: «Сегодня я не буду кричать, не буду плакать, не буду съезживаться и горбиться, будто в ожидании удара, – сегодня я буду радоваться жизни!» А вдруг именно сегодня удастся продержаться хотя бы до обеда!

Все шло хорошо (дети за столом, руки чистые, краткая молитва прочитана), пока Мишель не принялась за свое:

– Бен должен снять шапку.

По заведенному в семье порядку никто не садился за стол в головном уборе, это было безусловное правило, и Пэтти удивило, что об этом вообще приходится говорить.

– Бен действительно должен снять шапку, – мягко, но решительно напомнила она.

Бен слегка повернул голову в ее сторону, и она тут же ощутила легкое беспокойство: что-то не так. Обычно тонкие ржавые ниточки бровей почему-то стали черными, а кожа под ними – темно-фиолетовой.

– Бен?

Он снял шапку – под ней оказалась копна черных как смоль волос, торчавших в разные стороны, словно шерсть на старом лабрадоре. Пэтти будто ледяной водой окатили – так это было неожиданно: ее рыжеволосый сын куда-то исчез. Он выглядел старше своих лет. И казался каким-то злобным. Будто этот сидевший перед ней мальчишка навсегда изгнал того Бена, которого она знала.

Мишель вскрикнула, Дебби расплакалась.

– Зачем тебе это, сынок? – спросила Пэтти.

Она мысленно убеждала себя не реагировать слишком остро, но поступала сейчас именно так. Идиотская выходка подростка (и не более того!), так неужели из-за нее стоит портить отношения с сыном! Пока Бен сидел, уставившись в стол с ухмылкой на лице, защищаясь таким образом от всплеска женских эмоций, Пэтти судорожно придумывала объяснение и оправдание его поступку. В детстве он ненавидел свои рыжие волосы, потому что из-за них его всегда дразнили. Может, до сих пор дразнят? Может, это очередной акт самоутверждения; а ведь в этом нет ничего плохого. Но с другой стороны, рыжие волосы у него – от нее, и не эту ли связь он пытался оборвать? Разве это не отторжение? Наверное, Либби, которая цветом волос тоже пошла в нее, сейчас переживала то же самое: худенькими пальчиками она держала перед собой прядку своих волос и хмуро ее изучала.

– Ладно, – сказал Бен, шумно проглотив яйцо, и встал, – хватит! Подумаешь, какие-то волосы! Делов-то!

– Но они у тебя были такие красивые.

Он как будто задумался над ее словами, потом покачал головой – в ответ на них или по поводу всего утра, она не могла точно сказать, – и направился к двери.

– Просто успокойтесь, – сказал он, не оборачиваясь. – Приду вечером.

Ей показалось, что он сейчас шарахнет дверью, но он тихо прикрыл ее за собой, а это, пожалуй, намного хуже. Пэтти дунула себе на челку и оглядела стол – с трех сторон на нее смотрели распахнутые голубые глаза в ожидании, как она себя поведет. Она сначала улыбнулась, потом слабо рассмеялась:

– Да, пожалуй, немного странный поступок.

Дочери оживились и сразу будто выпрямились на стульях.

– Он вообще какой-то странный, – добавила Мишель.

– Теперь у него волосы подходят к одежде, – сказала Дебби, отирая слезы тыльной стороной ладонки и отправляя в рот блин.

И только Либби молча смотрела в тарелку, сгорбившись над столом. Только у ребенка может быть столь подавленный и несчастный вид.

– Все образуется, – сказала Пэтти и легко потрепала ее по щеке, опасаясь, как бы снова не расстроились остальные.

– Нет, не образуется. Он нас ненавидит.

Либби Дэй

Наши дни

Через пять дней после встречи с Лайлом за пивом я съехала со своей горы и порулила в сторону бывшей промзоны чуть западнее центра города. В эру скотобоен местность процветала, а потом не одно десятилетие пребывала в упадке, и теперь здесь сплошь высокие кирпичные здания без признаков жизни с вывесками переставших существовать компаний: «Рафтери колд сторидж», «Лондон биф», «Даннхаузер кэттл траст». Несколько брошенных строений

переоборудовали в приносящие вполне легальный доход дома с привидениями; в них во время Хеллоуина горит свет, там горки с пятиэтажный дом, замки, где обитают призраки да упивается молодежь и подростки, прячущие в куртках пиво.

Но в начале марта местечко оставалось пустынным. Из окна машины я замечала, что время от времени кто-нибудь входит в какое-нибудь здание, правда, непонятно, с какой целью. Рядом с рекой местность из почти безлюдной постепенно превращалась в зловеще-пустынную – настоящие руины.

Когда я парковалась перед четырехэтажным домом с табличкой «Корпорация Толлмэнов», отчего-то стало не по себе. Вот когда я пожалела, что у меня мало друзей. То есть что их вообще нет. Не следовало ехать сюда одной, но уж если поехала, кто-то должен был меня ждать. Впрочем, я на всякий случай оставила дома на внутренней лестнице записку о том, где нахожусь, и приложила письмо от Лайла. Если я вдруг исчезну, копы будут знать, откуда начинать поиски. Конечно, будь у меня подруга, она бы участливо, как умеют говорить только женщины, сказала: «Ни за что на свете не позволю тебе туда ехать».

А может, и не сказала бы. После убийств в нашем доме я вообще мало в чем разбираюсь. Я, например, считаю, что в жизни может произойти самое страшное, потому что самое страшное действительно произошло. С другой стороны, не означает ли это, как ничтожно малы шансы, что со мной, Либби Дэй, произойдет нечто еще более ужасное? Статистика – штука упрямая. Но мне сложно решить, как себя вести, – я впадаю из одной крайности в другую: то проявляю чрезмерную осторожность (всегда сплю с включенным везде светом и маминим стареньким кольцом на прикроватной тумбочке), то чудовищную беспечность (понесла же нелегкая в какой-то Клуб Смерти!).

На мне были ботинки на высоких каблуках, чтобы прибавить несколько сантиметров роста; правый из-за изуродованной ноги на мне болтается. Было очень страшно и немного стыдно, но я была настроена самым решительным образом, потому что никому на свете деньги сейчас не были нужны так, как мне. За вчерашний день я пробовала думать о своих действиях с менее обидной для себя точки зрения и добавить своим поступкам благородства. Кому-то интересна моя семья – да, я ею горжусь, поэтому позволяю совершенно незнакомым людям разбираться в том, что без меня им сделать не удастся. Ну а если при этом у них появилось желание предложить мне деньги – что ж, возьму, я не гордая.

На самом же деле я нисколько не гордилась своей семьей. Дзев все вокруг недолюбливали. Мой отец, Раннер Дэй, был вечно пьяным психом, но буянил как-то уж очень невыразительно, что ничего, кроме презрения, не вызывало, – трусливый недомерок, пускавший в ход кулаки. Маме с четырьмя детьми было очень трудно. Дети из разорившейся фермерской семьи, дурно пахнущие и изворотливые, мы приходили в школу как нищие: не позавтракав, в драных кофтах, сопливые и вечно кашляющие. За недолгое пребывание в начальной школе у нас с сестрами раза четыре заводились вши. Дэй-грязнули, Дэй-замарашки.

И вот она я через двадцать с лишним лет, по-прежнему нуждаюсь, особенно в деньгах. В заднем кармане джинсов у меня лежала записка от Мишель, которую она мне написала за месяц до убийств на выдернутом из блокнота листочке с аккуратно обрезанной бахромой, старательно сложенном в форме стрелы. – В записке обычные мысли, занимающие ученицу начальной школы: мальчик из класса; глупая училка; дорожные и, конечно, уродские джинсы, которые на день рождения подарили избалованной однокласснице. Ничего выдающегося или запоминающегося – у меня не одна коробка подобной макулатуры. Переезжая с места на место, я таскаю их за собой, но до сих пор ни разу не открывала. Я решила продать записку Мишель за двести долларов и на миг ощутила что-то вроде виноватого ликования, когда представила весь тот хлам, который теперь могу выгодно сбыть: записки, фотографии и всякая дрянь, которую мне не хватало мужества выбросить. Я выбралась из машины и вздохнула полной грудью.

Из снега местами выглядывали весенние проплешины, но вечер стоял холодный. В небе висела огромная желтая луна, похожая на бумажный китайский фонарь.

Я поднялась по грязным мраморным ступенькам – под ногами, как старые больные кости, поскрипывала прошлогодняя листва, – постучала в массивную металлическую дверь, немного подождала, чувствуя себя в лунном свете освещенной актрисой из дешевого водевиля, и постучала еще трижды. Я уже собралась звонить Лайлу на мобильный, когда дверь распахнулась – из проема на меня взирал высокий длиннолицый парень.

– Чего надо?

– Гм... а Лайл Вирт здесь?

- С какой стати ему здесь быть? - сказал тот без тени улыбки. Издевается, гад!

- Да пошел ты, твою мать! - выпалила я и развернулась, чувствуя себя круглой идиоткой. Я спустилась на три ступеньки, когда он меня окликнул:

- погоди! Чего это ты, блин, скривилась? Обиделась, что ли?

Да я уже родилась кривой. Я представляла, как вылезая из материнской утробы, кривая, неправильная и неуместная. Я всегда завожусь с полоборота. Возможно, фраза «твою мать!» и не сразу готова слететь с губ, но она, как правило, где-то рядышком.

Я остановилась.

- Слушай, я, конечно, знаю Лайла Вирта. Ты в списке гостей или как?

- Не знаю. Меня зовут Либби Дэй.

Он разинул рот, потом шумно его захлопнул и посмотрел на меня с тем же недоверием, что и Лайл при первой встрече.

- А почему блондинка?

Я недовольно вскинула брови.

- Входи, они внизу. Я провожу. - Он распахнул передо мной дверь. - Да входи же, я не кусаюсь.

Больше, чем эта фраза «я не кусаюсь», меня раздражают только слова «Улыбнись, не может все быть так плохо!» из уст какого-нибудь мужика в баре, красномордого от принятого на грудь. Нет, козел, еще как может!

Я вернулась, испепеляя парня гневным взглядом, и вошла в дверь особенно медленно, чтобы ему пришлось подольше ее придерживать. Урод!

Я оказалась в похожем на пещеру фойе с привинченными к стенам остатками ламп-бра в форме пшеничных колосьев. Высоченные, метров под пятнадцать, потолки хранили следы былой росписи на сельские темы: юноши и девушки занимаются прополкой. Одна из девушек без лица почему-то держит в руках скакалку. Или это змея? Весь западный угол потолка когда-то обрушился, и там зияла дыра, поэтому вместо пышной летней листвы, в которую должен был перейти дуб на фреске, там виднелся кусок темно-синего ночного неба с отблеском луны. В помещении обходились без электричества, но по углам можно было различить горы мусора. Как будто любители буйного веселья сначала пускались во все тяжкие, а потом веником снова пытались придать этому месту приличный вид. От куч несло мочой. На одной из стен макарониной висел использованный презерватив.

– Да уж, не банкетный зал, – пробормотала я. – Могли бы для своей конференции снять что-нибудь поприличнее.

Мраморный пол под ногами гудел – судя по всему, основные события вечера разворачивались внизу.

– Нас нигде особенно не ждут, – отозвался парень. У него было молодое мясистое лицо, покрытое родинками; в одном ухе малюсенькая серьга в виде черепашки. Мне кажется, подобные типы увлекаются настольными играми в стиле фэнтези, часто заводят хорьков и считают крутыми всякие фокусы-покусы. – К тому же в этом здании присутствует особая... атмосфера. В пятьдесят третьем году здесь пустил себе пулю в лоб один из Толлмэнов.

– Мило.

Мы посмотрели друг на друга. В полумраке его лицо словно меняло форму.

Было совершенно непонятно, как отсюда попасть вниз: застывший между этажами лифт не работал. Я представила призраков в костюмах, которые терпеливо ждут, когда он снова придет в движение.

– Так мы куда-то идем... или стоим?

– Ах да, конечно. Я просто хотел сказать, что... очень сочувствую твоему горю. Наверняка даже сейчас, когда прошло столько лет... невозможно представить.

То, что произошло, – это почти как у Эдгара По...

– Я стараюсь как можно меньше об этом вспоминать, – заученно произнесла я дежурную фразу.

– Тогда ты оказалась не в том месте, – засмеялся парень.

Мы свернули за угол и двинулись по коридору, где когда-то были кабинеты. Ступая по битому стеклу, я заглядывала в каждый проем: пусто, пусто, тележка из магазина, аккуратная кучка испражнений, остатки костра, и вдруг – бродяга, весело сказавший мне «Приветик!».

– Это Джимми. Он безвредный, поэтому ему разрешили остаться.

Ах, какие мы добрые, подумала я, и кивнула Джимми. Мы дошли до огромной массивной двери, мой провожатый ее открыл, и на меня набросился вырвавшийся оттуда шум – перекрывающие друг друга звуки органной музыки и тяжелого металла, а еще громкие голоса пытавшихся перекричать друг друга людей.

– Только после вас, – галантно произнес мой спутник, но я не сдвинулась с места: не люблю, когда кто-нибудь находится у меня за спиной. – Могу и... нам вон туда.

Я подумала было о том, чтобы сбежать, но внутри разыграл дух противоречия, когда я представила, как этот фигляр начнет говорить приятелям: «Да она очканула – взяла и смылась!» Они в ответ заржут, а он добавит: «Она совсем не такая, какой я ее себе представлял» – и рукой покажет, какого я роста. Я шла за ним и повторяла про себя ругательства в его адрес.

Мы спустились на цокольный этаж и подошли к двери с прикрепленными к ней надписями: «Стенд 22: для тех, кто коллекционирует предметы, связанные с Лиззи Борден. Здесь их можно продать или обменять», «Стенд 28: Карла Браун. Обсуждаем следы от укусов», «Стенд 14: Ролевая игра. Допросите Кейси Энтони – почему погибла ее двухлетняя дочь?!», «Стенд 15: Том потчует гостей ужасом – сегодня в меню адская смесь, приведшая к гибели обитателей Джонстауна, и крохи от Фанни Адамс».

И тут в углу я увидела голубоватый листок с ксерокопией моей фотографии: «Поговорим о стечении обстоятельств. Резня на канзасской ферме в Киннаки – подробный разбор дела. У нас сегодня ОСОБЫЙ ГОСТЬ!!!»

Меня еще раз посетила мысль сбежать, но тут дверь распахнулась, и я оказалась в помещении цокольного этажа, сыром и без окон, где толпилось, наверное, человек двести. Люди наклонялись, касались руками, кричали друг другу в ухо. Когда-то еще в школе нам показали документальные кадры о нашествии саранчи на американский Средний Запад – сейчас передо мной картина повторялась: те же таращащиеся глаза, жующие рты, развернутые локти. В помещении устроили что-то вроде толкучего рынка, разделенного на ряды с небольшими загончиками, отгороженными сеткой-рабицей. В каждом загончике разбирались какое-то одно преступление. Навскидку здесь было не меньше сорока таких стендов. С потолка на длинных шнурах свисали тускло светившие лампочки; они иногда вдруг покачивались, отбрасывая неверный свет и освещая лица в зловещих ракурсах, – не люди, а сборище посмертных масок.

С другой стороны помещения меня заметил Лайл и начал протискиваться сквозь толпу, плечом прокладывая себе путь, время от времени отступая в сторону и радостно размахивая руками. Судя по всему, он здесь не последний человек: каждый хотел до него дотронуться, переброситься с ним словом. Он наклонился к кому-то, подставив ухо, а когда поднимался, задел головой лампочку. Все засмеялись, лампочка закружилась, как мигалка на полицейской машине, лица то освещались, то снова погружались в полумрак. Лица мужчин. Лица юношей. Во всем помещении было очень мало женщин, я заметила всего четырех – невзрачных и в очках. Впрочем, мужчины тоже не отличались привлекательностью. Там были профессорского вида дядьки с бакенбардами, невыразительные мужички, похожие на отцов семейств из провинции, и немало типов не старше тридцати с немодными стрижками и в стремных очках повернутых на математике придурков – они внешне очень походили на Лайла и на моего провожатого. Ничем не примечательные, зато с исходившим от них самомнением всезнаек.

Лайл подошел ко мне, и мужчины у него за спиной заулыбались, с любопытством изучая меня, словно его новую подружку. Он покачал головой:

– Извините, Либби. Кенни должен был мне позвонить на мобильный, когда вы придете, чтобы я сам вас встретил.

Через мою голову он бросил взгляд на Кенни, тот шумно пожал плечами и удалился. Лайл повел меня вглубь толпы, подталкивая сзади в плечо. На некоторых присутствующих были чуть ли не маскарадные костюмы. Мимо меня прошел парень в черном жилете и высокой черной шляпе, со смехом предлагая конфеты.

– Этот из фанатов дела Фредерика Бейкера, – пояснил Лайл. – Вообще-то последние пару лет мы пытаемся вытеснить из наших рядов эту художественную самодеятельность, но ею увлеклись... слишком многие.

– Дурдом какой-то, – сказала я, чувствуя, что у меня вот-вот лопнет терпение. Со всех сторон меня толкали то руками, то локтями, я делала несколько шагов вперед, но меня тут же оттискивали назад. – Честное слово, никак не возьму в толк, что здесь, черт возьми, происходит!

Лайл нетерпеливо вздохнул и посмотрел на часы.

– Знаете, наше заседание начнется не раньше полуночи. Хотите, я пока вас тут повожу и объясню, в чем дело?

– Я хочу получить свои деньги.

Он пожевал нижнюю губу, вытащил из заднего кармана конверт, сунул мне в руку и, наклонившись к уху, попросил пересчитать деньги потом. Толстый на ощупь конверт меня несколько успокоил.

– Давайте я покажу, чем мы занимаемся.

Мы пошли по периметру помещения. Справа и слева кучками теснились люди, металлическая ограда напоминала о вольерах для собак. Лайл снова начал подталкивать меня вперед.

– «Клуб Смерти» – только прошу, не надо нравоучений, – мы и сами понимаем, что название неудачное, но оно приклеилось, и ничего с этим не поделаешь. Мы сокращенно называем его КС, а поскольку у Канзас-Сити аббревиатура такая же, у нас есть основания именно здесь проводить ежегодную конференцию. Я уже говорил, что наш клуб – для тех, кто расследует преступления. И для

энтузиастов. Мы занимаемся нашумевшими делами. Всеми – от дела Фанни Адамс до...

– Что еще за Фанни Адамс? – Я почувствовала укол ревности: разве не я здесь особый гость!

– Ей было восемь лет, когда в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году ее изрубили на куски. Это случилось в Англии. Парень в высокой шляпе изображает убийцу – Фредерика Бейкера.

– Надо же, какой ужас, – сказала я, а про себя подумала: значит, ее давно нет в живых, что хорошо – я вне конкуренции.

– Это преступление получило широкую известность. – Он заметил на моем лице гримасу. – Да, эта часть зала не очень интересна в том смысле, что большинство преступлений раскрыто и тайное давно стало явным. Для меня самое главное в нашем деле – участие в раскрытии нераскрытых преступлений, в разгадывании тайны. У нас есть бывшие полицейские, адвокаты...

– Кто-то разыгрывает и убийство... моих?.. Моей семьи?

В это время рядом затормозил жирный дядька с мелированными волосами и надувной куклой в красном платье, он наступил мне на ногу и даже не заметил. На щеке я ощутила пластмассовые пальцы куклы. Кто-то сзади крикнул: «Эмбер Фрей сдала Скотта Питерсона с потрохами!» Я изо всех сил оттолкнула мужика, взглядом пробежала по толпе: вдруг среди них кто-то оделся как моя мать или как Бен – какой-нибудь размахивающий топором кретин в рыжем парике. Руки непроизвольно сжались в кулаки.

– Нет, Либби, что вы! – сказал Лайл. – Я бы ни в коем случае не позволил никаких постановок.

– Почему у вас только мужчины? – За одним из столов неподалеку двое пузатых коротышек в водолазках ссорились по поводу убийств детей, которые недавно произошли в пойме Миссури.

– Нет, у нас есть и женщины, – начал защищаться Лайл, – хотя расследование ведут в основном мужчины. Но пойдите на какую-нибудь конференцию кроссвордов – там то же самое. – Женщины приходят ради, так сказать, общения – кофе попить, приобрести старые снимки. Они рассказывают, почему отождествляют себя с жертвами преступлений, которые мы тут рассматриваем: у них ведь могут быть жестокие мужья, которые к ним плохо относятся, да что угодно. Но нам приходится быть настороже, потому что они иной раз чересчур... прикипают, что ли, к судьбам людей.

– Действительно, лучше не принимать все слишком близко к сердцу, – сказала я лицемерно.

Слава богу, Лайл пропустил мимо ушей мое замечание и продолжил свою мысль:

– Сейчас, например, они одержимы историей с Лизетт Стивенс.

Он махнул в сторону стола, где вокруг монитора собралась группа женщин, по-куриному склоняя головы к экрану. Я подошла ближе. Все рассматривали видеомонтаж, посвященный Лизетт. Лизетт с однокурсницами. Лизетт с любимой собакой. Лизетт с сестрой – они похожи как две капли воды.

– Понимаете, что я имею в виду? – сказал Лайл. – Они ведь не занимаются расследованием дела – они просто рассматривают снимки, а это можно делать и дома.

Проблема с Лизетт Стивенс заключалась в том, что в ее деле нечего было расследовать: здесь не было ни ухажера, ни мужа, ни обиженных коллег на работе, ни странного вида работяг, которые бы делали у нее дома ремонт. Зацепиться не за что. Она просто исчезла без какой-либо видимой причины. Разве что она очень хорошенькая. Таких девушек окружающие не могут не заметить. О таких девушках, если они пропадают, и пресса начинает писать.

Я протолкалась к аккуратно сложенным стопкой фуфайкам с нанесенной на них при помощи утюга надписью: «Помогите Лизетт вернуться домой!» Двадцать пять долларов за штуку. Но группу женщин, однако, больше интересовал экран ноутбука – они читали отзывы на сайте. Рядом с отзывом люди часто помещают фото, а снимки, надо сказать, были еще те. «Лизетт, мы тебя любим и знаем, что ты вернешься» – появилось рядом со снимком трех дам среднего возраста на

пляже. «Мир и любовь твоей семье в этот тяжелый час» – гласил текст рядом с изображением помеси лабрадора с пуделем. Женщины вернулись на домашнюю страницу, и на экран выплыл снимок, который особенно полюбился журналистам: Лизетт в обнимку с матерью, щека к щеке, обе счастливо улыбаются.

Я встrepенулась, стараясь не думать о Лизетт, которую и знать не знала. А еще – пытаюсь справиться с очередным приступом ревности. Очень хотелось, чтобы убийством моей семьи занималось больше всего людей. Что-то вроде всплеска любви – мои покойники лучше всех. Перед глазами мелькнула картинка из детства: мама с собранными сзади в хвост рыжими волосами снимает с меня зимние ботинки, которые нисколько не греют, а потом один за другим трет замерзшие пальцы на ногах, приговаривая: «Грейся-грейся, большой пальчик, грейся-грейся, маленький!» Это воспоминание сопровождается запахом тоста с маслом – правда, был ли там тост на самом деле, не помню. Зато в этом воспоминании на ногах у меня еще полный набор пальцев.

Я передернула плечами, сбрасывая наваждение:

– Так что там еще у нас по плану?

Мы оказались перед настоящей пробкой – толпа выстроилась перед столом с табличкой «Балаган-базар буйного Боба», за которым парень с чересчур длинными усами шумно хлебал суп. На доске у него за спиной выстроились четыре человеческих черепа с надписью: «Последние четверо». Завидев нас, он начал во весь голос требовать, чтобы Лайл представил ему свою маленькую подружку. Лайл попытался от него отмахнуться и вместе со мной просочиться сквозь толпу – не получилось. Он шепнул мне на ухо, что это очередной участник ролевой игры.

– Боб Берделла, – обратился Лайл к парню и подмигнул, шутливо упирая на фамилию, – познакомься, это Либби Дэй из семьи Дзев... Резня на канзасской ферме в Киннаки.

Парень через стол наклонился ко мне, в зубах у него застрял кусочек гамбургера.

- Будь у тебя член, ты была бы уже на свалке, разрезанная на куски, - сказал он и радостно заржал. - На мелкие-мелкие кусочки.

И он шлепнул по мне, как по комару. Я невольно отпрянула, но тут же в ярости рванулась к нему с кулаком наготове, как делаю всегда, когда меня пугают. В нос его, чтоб кровь пошла! Чтобы вообще остался без носа! А потом еще раз ударить! Но не успела я до него добраться, как он отшатнулся на стуле, подняв руки вверх и бормоча, но не мне, а Лайлу:

- Да ладно тебе, я пошутил! Что такого-то!

При этом он даже не взглянул на меня, будто я ребенок. Пока он ныл, я бросилась на него, но сумела достать только до подбородка, поэтому мой удар кулаком превратился в подобие шлепка - так наказывают нашкодившего щенка.

- Ты, козел!

Вмешался Лайл и, бормоча извинения, увлек меня за собой, но я еще не растеряла пыл и, удаляясь, довольно сильно пнула стол, за которым сидел Боб; стол качнулся, суп пролился на пол. Жаль, не перевернула! Что может быть позорнее, чем неудачная попытка женщины-недомерка врезать обидчику! Хуже могло быть, если бы меня уносили прочь, а я бы по-детски отчаянно сучила ногами в воздухе. Я оглянулась - Боб стоял столбом с розовым от моего шлепка подбородком и безвольно опущенными руками, пытаюсь решить, то ли ему стыдно, то ли его зло берет.

- У нас в клубе это не первая потасовка, - констатировал Лайл.

- Не люблю, когда мне угрожают.

- Вообще-то он не... да-да, понимаю, - пробормотал Лайл. - Когда-нибудь эти артисты оставят нас в покое. Люди в нашей группе вам понравятся - в группе расследования гибели Дзев.

- Разве она называется группа расследования гибели Дзев, а не группа расследования резни на канзасской ферме в Киннаки? - недовольно пробурчала я.

Он попытался протиснуться через бутылочное горлышко в тесном проходе, но его попытка закончилась неудачей. Я же лицом почти уткнулась в спину какого-то мужика в синей накрахмаленной рубашке и несколько секунд созерцала безупречную складку посередине. Кто-то настырно подталкивал меня сзади в спину.

– Люди, как правило, так или иначе упоминают в этом деле Сатану, – заметила я.

– Да, но у нас другое мнение, поэтому мы стараемся имя дьявола, прошу прощения, не упоминать, – сказал Лайл, ввинчиваясь в толпу.

– Понятно, значит, дело в названии, – съязвила я, не отрывая взгляда от синей рубашки впереди.

Мы протолкались за угол и наконец оказались на относительно просторе, где можно было хотя бы отдышаться.

– Хотите увидеть еще какие-нибудь группы? – Он кивнул в сторону: слева у стола, обозначенного номером 31, толпилась кучка мужчин: кое-как постриженные, кое-кто с усами, на многих старомодные рубашки с пристегнутым воротом. Они отчаянно спорили приглушенными голосами. – Это очень продвинутый народ. Они тут, по сути дела, создают собственную тайну: они убеждены, что вышли на серийного убийцу, который действует в нескольких штатах – Миссури, Канзасе, Оклахоме, где помогает людям уйти из жизни. Людям семейным, иногда пожилым, которые не могут выбраться из долговой ямы, на кредитках ни цента или ипотека душит, – короче, тем, у кого нет выхода.

– Убивает, потому что они не умеют обращаться с деньгами? – Я вытаращила глаза.

– Не совсем так. Здесь его считают чем-то вроде Джека Кеворкяна по прозвищу Доктор Смерть для людей, у которых беда с кредитами, зато хорошие страховки, и называют Ангелом – Спасителем-от-долгов.

Один из участников обсуждения за тридцать первым столом, юноша с выступающей вперед челюстью и губами, которые не закрывали зубы, услышав последние слова Лайла, живо к нему повернулся и сказал:

– Кажется, в прошлом месяце Ангел поработал в Айове: там отец четырех детей, имевший шикарный загородный дом, разбился на снегоходе – с виду не подкопаешься, да и время года подходящее. Точно такой же случай произошел год назад. Наш герой теряет оригинальность.

Парнишка собирался продолжить и хотел, судя по всему, затащить нас к себе. У них на столе в беспорядке валялись таблицы, диаграммы, графики, вырезки из газет, еще какие-то непонятные бумажки. Из стоявшей там же миски спорщики прямо руками зачерпывали соленую смесь сухариков с орешками, часть еды падала на пол. Я покачала головой и потянула Лайла в другую сторону – туда, где не пахло потом и солью. Оказавшись в проходе, я вздохнула и глянула на часы.

– Верно, – сказал Лайл, – у нас впереди еще много дел. Пошли. Так вот, мне кажется, наша группа вам понравится. У нас куда более серьезные люди. Посмотрите, там уже собирается народ.

Он показал в сторону аккуратного столика в углу, рядом с которым жирная тетка с мелкой химией на голове отхлебывала кофе из одноразового пластикового стаканчика размером с хороший кувшин. Рядом, не обращая на нее внимания, двое ухоженных мужчин средних лет оглядывали помещение, уперев руки в боки. Внешне они напоминали полицейских. За карточным столиком у них за спиной сгорбился лысеющий дядька в годах и что-то писал в блокноте, у него за плечом стоял мальчишка студенческого возраста и читал, что он пишет. Чуть дальше несколько мужчин неопределенного вида копались в сложенных стопками бумажных скоросшивателях или бесцельно торчали рядом.

– Посмотрите, есть женщины! – победно произнес Лайл и показал на женщину-гору в мелких кудряшках на голове. – Хотите подойти сейчас илиждемся более торжественного момента?

– Можно и сейчас.

– У нас очень-очень серьезные люди, а не глупые, одержимые фанаты. Вам правда они понравятся. Вы у них непременно узнаете для себя что-то новое.

Я недоверчиво хмыкнула и последовала за Лайлом. Тетка заметила меня первой: сначала она подслеповато сощурилась, потом вылупила глаза. У нее в руках был самодельный скоросшиватель с приклеенной сверху моей школьной фотографией, где на мне цепочка с золотым сердечком, которую мне прислал кто-то из благодетелей тех лет. Она подалась вперед, словно хотела вручить мне свою папку, которую держала как театральную программку. Я успела заметить, что к голове на снимке пририсованы рога, как у черта.

Лайл коснулся моего плеча, но тут же убрал руку:

– Всем привет! Прибыла наша особенная гостья. Позвольте представить: гвоздь программы и главная участница нынешней конференции – Либби Дэй.

Кто-то из присутствующих удивленно вскинул брови, кто-то одобрительно закивал. Один из похожих на копов воскликнул: «А ни хрена себе!» – и поднял руку, готовый всей пятерней одобрительно шлепнуть о ладонь Лайла, но передумал, и рука застыла в каком-то нацистском приветствии. Пожилой господин отвел от меня взгляд и продолжил что-то царапать в своих бумажках. На секунду я забеспокоилась, а не ждут ли присутствующие от меня некой торжественной речи, но вместо нее буркнула «здрате» и присела к столу.

Последовали обычные приветствия и вопросы. Да, я живу в Канзас-Сити. Нет, временно не работаю. Нет-нет, с Беном у меня никаких контактов. Да, несколько раз в год он присылает мне письма, но я их рву, не читая, и отправляю в мусорную корзину. Нет, мне нисколько не интересно, что он там пишет. Да, я готова продать следующее же его письмо.

– Итак, – прогрохотал Лайл, перекрывая гвалт, – перед нами ключевая фигура в деле Дзев, так называемый очевидец, поэтому давайте-ка перейдем к вопросам, непосредственно связанным с интересующими нас событиями.

– У меня есть вопрос, – сказал один из «копов». Он выдавил из себя подобие улыбки. – Если не возражаете, перейдем прямо к сути, возьмем, так сказать, быка за рога. – Он даже как будто подождал, чтобы я ответила, что не возражаю. – Почему вы свидетельствовали, что вашу семью убил Бен?

– Потому что это сделал именно он, – сказала я. – Я там в это время находилась.

– Вы, дружок, прятались и просто никак не могли видеть то, что, как вы утверждаете, видели. В противном случае вас бы тоже в живых не оставили.

– Я видела то, что видела, – привычно заученно начала я.

– Полная чушь. Вы видели то, что вам велели видеть, потому что вы были напуганной до смерти послушной девочкой, которая хочет помочь. Следствие изрядно запудрило вам мозги. – Вас использовали, чтобы призвать к ответу человека, которого было легче всего объявить виновным. Более безответственное ведение следствия трудно представить.

– Я находилась в доме...

– Да, а как же вы объясните выстрелы, от которых погибла ваша мать? – парировал «коп» и, подавшись вперед, даже привстал со стула. – На руках Бена не обнаружено следов пороха...

– Господа, – перебил его пожилой дядька и помахал рукой с толстыми скрюченными пальцами, потом, кивнув в сторону тетки с кудрями и мою, сладко добавил: – И дамы! Мы же еще не представили факты рассматриваемого дела. Мы должны все запротоколировать, иначе наше мероприятие будет ничем не лучше болтовни в Интернете. Раз у нас такая гостя, мы должны быть особенно корректны и приходить к единому мнению по ряду вопросов.

Поскольку никто особенно не протестовал, старик облизнул губы, посмотрел на всех поверх толстых очков и откашлялся. Вид у него был начальственный, но при этом какой-то неухоженный. Я представила, как он один у себя дома, стоя у стола рядом с холодильником, поглощает консервированные персики прямо из банки и шумно прихлебывает сироп. Он начал зачитывать из блокнота:

– Факт первый. Около двух часов ночи третьего января восемьдесят пятого года некто, возможно не один, убил трех членов семьи Дзев в их доме на ферме в Киннаки, штат Канзас. Среди погибших – Мишель Дэй, десяти лет; Дебби Дэй, девяти лет, а также мать семейства Пэтти Дэй, тридцати двух лет. Мишель Дэй задушена; Дебби Дэй погибла от ран, нанесенных топором; Пэтти Дэй – от двух огнестрельных ранений, ударов топором и глубоких ран, нанесенных охотничьим ножом.

Кровь бросилась мне в голову, в ушах зашумело, но я сказала себе, что ничего нового для себя не слышу. Нечего паниковать. Я стараюсь не вслушиваться в детали убийства. Слова проходят сквозь мозг и выходят через уши, как у обезумевшего от ужаса ракового больного, который слышит из уст врача непонятные ученые слова и понимает только одно: все очень плохо.

– Следующий факт, – продолжал оратор. – Во время убийства младшая из детей, семилетняя Либби Дэй, находилась в доме и не попала в руки убийцы (или убийц), потому что выбралась на улицу через окно в комнате матери. Факт номер три. Старший из детей, Бенджамин Дэй, пятнадцати лет, утверждал, что после ссоры с матерью провел ту ночь в сарае у одного из соседей. Он до конца придерживался этой версии, а его поведение во время следствия делу не помогло. Позже его арестовали и осудили, во многом на основании ходивших в округе слухов, что он увлекся сатанизмом и отправляет соответствующие обряды: стены внутри дома были покрыты символами и словами, ассоциировавшимися с культом дьявола. Стены были исписаны и изрисованы кровью его матери. – Старик замолчал в ожидании соответствующей реакции, оглядел слушателей и вернулся к своим записям. – Однако решающим стал тот факт, что его чудом уцелевшая младшая сестра Либби свидетельствовала, что видела, как он убивал. Несмотря на ее путанные показания и юный возраст, Бена Дэя осудили. И это при поразительном отсутствии вещественных доказательств и улик. Мы собрались здесь, чтобы изучить другие варианты и рассмотреть конкретные обстоятельства дела. По моему мнению, однозначным пока можно признать то, что убийства связаны с событиями, происходившими накануне, а именно второго января восемьдесят пятого года. Буквально в один день все пошло не так. Еще утром второго января ничто не предвещало трагедии. Что-то действительно произошло несколько позже.

Из папки говорившего показался краешек снимка с места преступления: пухлая окровавленная ножка и кусочек ночнушки бледно-лилового цвета. Дебби... Старик поймал мой взгляд и затолкал снимок назад в папку, словно меня это никак не касалось.

– Кажется, мы в целом пришли к выводу, что это дело рук Раннера Дэя, – сказала толстуха, так яростно копошась у себя в сумочке, что оттуда выпало несколько ватных дисков.

При имени отца я вздрогнула. Раннер Дэй – ничтожный, никчемный человек.

– Я права? – продолжала она. – Он приходит к Пэтти и угрозами пытается вырвать у нее деньги; как обычно, ничего не получает, злится и идет вразнос. То есть я хочу сказать, он же псих.

Тетка извлекла откуда-то бутылку с водой и приняла две таблетки аспирина, как делают в кино, – резко забросив голову назад. Потом взглянула на меня, ожидая подтверждения своих слов.

– Да, пожалуй. Я не очень хорошо его помню. Они разошлись, когда мне было года два. После этого мы мало общались. – За несколько месяцев до убийств он жил с нами все лето, но...

– Где он сейчас?

– Не знаю.

Она вытаращила глаза.

– А как насчет следов, оставленных обувью взрослого мужчины? – подал сзади голос какой-то человек. – Полиция так и не объяснила, почему в доме, где никто не носил выходных мужских туфель, обнаружены окровавленные следы таковых...

– Полиция очень многого так и не объяснила, – снова подал голос старик.

– Например, происхождение того кровавого пятна, – подхватил Лайл и повернулся ко мне. – На постели Мишель обнаружили пятно крови – по группе она не совпала с кровью ни одного из членов семьи. Но к несчастью, простыни оказались даром некоего благотворительного фонда, поэтому следствие объявило, что кровь могла принадлежать кому угодно.

Так называемые «бывшие в употреблении» простыни. Да уж, Дэи были большими поклонниками этого фонда: у нас все было оттуда – диван, телевизор, лампы, джинсы, даже занавески на окнах.

– Не знаете, как можно найти Раннера? – спросил студент. – Вы могли бы задать ему интересующие нас вопросы?

– И все-таки я считаю, – сказал старик, – что имеет смысл побеседовать и с некоторыми из тогдашних друзей Бена. У вас остался кто-нибудь в Киннаки?

Несколько человек начали спорить и рассуждать по поводу страсти Раннера к азартным играм, приятелей Бена и из рук вон плохого полицейского расследования.

– Эй, – встряла я, – а как же Бен? Он уже не в счет?

– Помилуйте, но это грубейшая из когда-либо допущенных судебных ошибок, – сказала толстуха. – И не делайте вид, что вы придерживаетесь другого мнения. Если, конечно, вы не покрываете своего папочку. Или же вам слишком стыдно за то, что вы наделали.

Я бросила на нее свирепый взгляд. В кудряшках у тетки застрял кусок яичного желтка.

«Господи, ну какой идиот ночью трескает яйца! Или он у нее там с утра?»

– Наша Магда очень серьезно занимается этим делом, она среди тех, кто хочет добиться освобождения вашего брата, – сказал старик, снисходительно приподняв бровь.

– Он чудесный! – сказала Магда, обращаясь ко мне. – Пишет стихи, сочиняет музыку. Он просто воплощение доброты. Либби, вам непременно нужно его узнать, непременно.

Магда перебирала разложенные перед ней папки, по одной на каждого члена моей семьи. На самой толстой были наклеены фотографии моего брата: рыжеволосый Бен в детстве торжественно-серьезно держит в руках игрушечный самолет-бомбардировщик; Бен с черными волосами и испуганным лицом сразу после ареста; Бен сегодня – в тюрьме, снова рыжеволосый, с видом ученого мужа, рот приоткрыт, словно его сняли посередине фразы. На папке Дебби было единственное фото в костюме цыганки на Хеллоуин: щеки нарумянены, губы накрашены, каштановые волосы прикрывает красная мамина бандана, подол юбки подоткнут. Справа к ней тянется моя покрытая веснушками рука. Эта фотография была в нашем семейном альбоме, я и не предполагала, что она окажется где-то еще.

- Где вы ее раздобыли? – спросила я.

- Кое-где. – Толстая рука легла на папку.

Я глянула на стол, борясь с искушением наброситься на толстуху. Из папки старика снова показался снимок мертвой Дебби. Теперь была видна не только окровавленная нога, но и исполосованный живот и почти отрубленная рука. Я перегнулась через стол и вцепилась в руку старика.

- А ну немедленно убери эту мерзость! – зашипела я.

Он спрятал снимок; схватив папку, прикрылся ею, как щитом, и заморгал.

Вся группа теперь смотрела на меня с любопытством и некоторой опаской, словно на любимого кролика, который взбесился прямо на глазах.

- Либби, – заговорил Лайл примирительным тоном ведущего ток-шоу, – никто не сомневается в том, что вы находились в доме. Никто не ставит под сомнение, что вы пережили ужас, с которым не справился бы ни один ребенок. Но неужели вы все видели собственными глазами? Может быть, вас научили, что говорить?

Я мысленно представила, как Дебби, дыша мне в затылок, пухлыми ловкими пальчиками старательно разбирает мои волосы на тоненькие аккуратные прядки и заплетает косу елочкой, которая, как она утверждала, куда сложнее французской косы, а потом завязывает огромный зеленый бант, превращая меня в подарок. Вот она помогает мне удержать равновесие на краю ванны, чтобы я смогла, глядя в зеркальце, через плечо рассмотреть в большом зеркале над раковиной свой рыжий затылок. Дебби, которой всегда так хотелось, чтобы все кругом было красивым.

- Доказательств, что мою семью убил не Бен, а кто-то другой, нет, – сказала я, заставляя себя вернуться в мир живых, где я обретаюсь совершенно одна. – Господи, он ведь даже ни разу не подавал апелляцию. Даже не пытался выйти на свободу.

Я мало что понимаю в поведении заключенных, но мне всегда казалось, что они постоянно подают апелляции, что это их страсть, даже если у них нет шансов.

Тюрьма в моем представлении – это люди в оранжевой униформе с белыми ярлыками. Бен собственной безучастностью доказал, что виновен. При чем тут мои показания!

– У него хватило бы оснований и для десятка апелляций, – торжественно произнесла Магда. Я поняла, что она из тех женщин, которые когда-то с криком появлялись у меня на пороге. Хорошо, что я не дала Лайлу свой нынешний адрес. – Если человек не борется, это не означает, что он виновен, – это означает, что он потерял надежду.

– Так ему и надо.

Лайл округлил глаза:

– Господи, Либби, вы действительно считаете, что убийца Бен? – Он коротко, от всей души рассмеялся, но тут же проглотил смешок и пробормотал: – Извините.

Надо мной никогда не смеются. Все, что я говорю и делаю, воспринимается с чрезвычайной серьезностью: кто рискнет смеяться над жертвой! Жертва не может дать повода для веселья.

– Что ж, продолжайте забавляться своими теориями заговоров, – сказала я и резко поднялась.

– Зачем же вы так! – произнес парень с внешностью копа. – Оставайтесь. Убедите нас в том, что мы не правы.

– Он не подал... ни... одной... апелляции, – сказала я тоном воспитательницы детского сада. – Этого для меня достаточно.

– В таком случае вы дура.

Я с силой его оттолкнула, развернулась и услышала за спиной:

– Она так и осталась маленькой лгуньей.

Я нырнула назад в толпу и бросилась к выходу, отчаянно прокладывая себе путь под мышками и между застежками брюк справа и слева, пока, оставив позади весь этот галдеж, не добралась наконец до прохлады колодца лестничных пролетов. Единственной победой в этот день для меня стала толстенькая пачка купюр в кармане да убеждение, что все эти люди вызывают ту же смешанную с презрением жалость, что и я.

Дома я везде включила свет, забралась в кровать с бутылкой липкого рома в руках и, лежа на боку, начала изучать замысловатые линии от сгибов на записке Мишель, которую так и не продала, – забыла.

То, что сегодня произошло со мной, казалось, ставило все с ног на голову. Когда-то давно мир, словно разделившись на людей, считавших Бена виновным, и тех, кто был убежден в его невиновности, пребывал в равновесии, а теперь возникало чувство, что двенадцать совершенно чужих людей из занюханного подвала, запихнув в карманы кирпичи, перебрались на сторону вторых и в одну секунду туда сместился весь вес. Магда и Бен с его стихами, сила надежды, следы от ног, кровавые пятна, пустившийся вразнос Раннер. Впервые после суда над Беном я оказалась одна среди людей, которые считают, что я ошибаюсь в отношении брата, а я не сумела дать им достойный отпор. Поколеблено мое собственное убеждение. Я не могла сейчас, как это бывало раньше при другом раскладе, просто отмахнуться от этих людей: они были настолько непреклонны, так безапелляционны, будто обсуждали меня бесконечное число раз и давно пришли к выводу, что нечего со мной миндальничать, если и так все ясно. А я-то, дуреха, отправилась туда, полагая, что, как бывало в других местах, мне, вероятно, захотят помочь, проявят обо мне заботу, решат мои проблемы. Меня же вместо этого подняли на смех. Неужели со мной так легко не считаться? Неужели я так легко ведусь?

Нет, подумала я и повторила про себя привычное заклинание, что тогда ночью видела то, что видела. Что, собственно говоря, не соответствовало действительности. На самом деле я ничего не видела. И что? Ладно, предположим, чисто технически я ничего не видела – только слышала. А почему только слышала? Да потому, что, когда умирали сестры и мама, я пряталась в шкафу, а пряталась, потому что подло струсила.

Та ночь... Да, та ночь... Я проснулась – в комнате, где мы спали с сестрами втроем, было темно. В доме стоял такой холод, что с внутренней стороны на окнах белел иней. Дебби уже успела перебраться в мою кровать (мы часто спали втроем, тесно прижимаясь друг к другу, чтобы согреться) и спиной упиралась мне в живот, своим весом припечатывая меня к холодной стене. Едва научившись ходить, я стала лунатиком и бродила во сне, поэтому не помню, как переползла через Дебби, зато отчетливо помню Мишель на полу: она спала, как обычно, в обнимку со своим дневником и с ручкой, как с соской, во рту – из уголка губ стекала тоненькая чернильная струйка. Я не стала ее будить: в нашем шумном доме сон защищался отчаянно и никто не просыпался без боя. Не побеспокоив и спящую в моей кровати Дебби, я открыла дверь и услышала голоса внизу, в комнате Бена, – сдавленный шепот на грани крика. Так разговаривают люди, считающие, что ведут себя тихо. Из щели под дверью его комнаты пробивался свет. Я пошлепала в мамину комнату, забралась под одеяло и прижалась к ее спине. Зимой мать обычно спала в двух парах длинных трико и нескольких свитерах, поэтому создавалось ощущение, что рядом лежит гигантская мягкая игрушка. Когда мы забирались к ней в постель, она даже не шевелилась, но, помню, на этот раз резко ко мне повернулась – я было решила, что она сердится. Но она обхватила меня, прижала к себе и, поцеловав в лоб, сказала, что очень меня любит. Она почти никогда не говорила нам таких слов – может, поэтому-то я их и запомнила? А может, придумала потом, чтобы на душе не было так горько? Ладно, предположим, она все-таки сказала, что меня любит, – и я тут же снова уснула.

А когда проснулась (через несколько часов или всего через несколько минут), рядом никого не было. С той стороны двери (что там происходило, я никак не могла видеть) страшно кричала мама и на нее гневно ревел Бен. Оттуда раздавались и другие звуки. Дебби причитала сквозь рыдания: «Мамочкамишельмамочкамишель». Потом я услышала топор. Уже тогда я поняла, что это: звук металла, рассекающего воздух, удар обо что-то мягкое и бульканье. Дебби хрюкнула и судорожно вдохнула. Вопль Бена: «Зачем ты заставила меня это сделать?!» Мишель не было слышно вообще, что было очень странным, потому что она всегда была самой громкоголосой из нас, а тут – ни единого звука. Мамин крик: «Беги! Беги! Нет! Нет!» Потом выстрел, снова мамин крик, но уже без слов, – крик обезумевшей птицы, которая бьется о стены, оказавшись в тупике коридора.

Тяжелая гулкая поступь и звук маленьких ножек убегающей Дебби – она еще жива, она бежит в сторону маминной комнаты, и я судорожно повторяю: «Нет-не-надо-только-не-сю-да!» – и снова эти тяжелые ботинки в коридоре у нее за

спиной, ногти царапают пол, снова топор и снова выворачивающий душу жуткий звук, который издает мама, а я застыла ледяным извоянием у нее в комнате и прислушиваюсь... по ушам снова ударяет выстрел, глухой звук падения, от которого сотрясаются половицы под ногами. Я – бесполезное, трусливое создание, – я наполовину в шкафу, наполовину снаружи, стою и молю Бога, чтобы все прекратилось. «Уходи, уходи, исчезни». Хлопает дверь, еще шаги и протяжный вой, Бен в сердцах отчаянно шепчет что-то себе под нос. Крик, низкий мужской крик и громкий голос Бена – я точно знаю, это был его голос, – «Либби! Либби!».

Я распахиваю окно, выпрыгиваю наружу через дыру в сетке от комаров прямо в снег – носки тут же промокают насквозь – и что есть силы бегу.

«Либби!»

Оглядываюсь на дом – там одиноко светится одно-единственное окно, все остальное – чернота.

Когда я добежала до пруда и заползла в камыши, я уже не чувствовала ног. На мне, как на маме, тоже было сто одежек и теплые длинные штанишки под ночнушкой, но меня колотило. – Ледяной ветер задирает подол и поднимался к животу.

По верхушкам камыша бешено пляшет луч фонарика, перепрыгивает на остовы деревьев неподалеку, падает на землю совсем рядом.

«Либби!»

Это Бен. Он меня преследует, идет по пятам.

«Не выходи, детка! Оставайся там!»

Луч фонарика подбирается все ближе, скрип снега под ногами все громче, я рыдаю, закрыв рот руками, я уже готова выпрямиться во весь рост – и пусть меня тоже убьют, но луч совершенно неожиданно, описав обратный круг, удаляется вместе с шагами, оставляя меня одну погибать от холода в темных камышах. Я не вышла из укрытия, я осталась там... Горевшее в доме окно

погасло.

Спустя несколько мучительно долгих часов в слабом свете занимавшегося утра я поползла обратно к дому, ноги звенели, как железо, пальцы на руках свело в птичьи лапки. Дверь стояла нараспашку. На крыльце у входа сиротливо высилась горка рвотной массы из зеленого горошка и морковки. Все остальное было красным – стены, ковер, окровавленный топор на подлокотнике дивана. Мама лежала на полу перед дверью детской, верхняя часть черепа отсутствовала, топор сумел добраться до плоти через толстый слой одежды и оставил на теле страшные зияющие раны, одна грудь была оголена. Со стены прямо над остатками головы свисали рыжие пряди. Дебби лежала сразу за ней – глаза распахнуты, на щеке кровавый след, рука почти отрублена, живот, словно рот у спящего, приоткрыт, внутренности выглядывают наружу. Я позвала Мишель, хотя уже точно знала, что она тоже мертва. Она лежала, свернувшись калачиком на своей кровати, в обнимку со всеми своими куклами, горло чернело страшными синяками, один тапочек на ноге, один глаз открыт.

Стены были изрисованы кровью: перевернутые сатанинские пентаграммы и отвратительные ругательства. Все вокруг было поломано, изуродовано, истерзано. Банки с продуктами разбивали о стены, крупы рассыпали по полу. Из раны на маминой груди торчал бугристый шарик воздушной кукурузы. На лопасти дешевого вентилятора под потолком покачивалась привязанная к ней шнурком туфелька Мишель. Картина бессмысленного разрушения и буйства.

Я кое-как доползла до телефона на кухне; потянув на себя шнур, сбросила на пол, набрала номер тети Дианы – единственный, который знала наизусть, а когда она подняла трубку, завопила: «Они все умерли!» – голосом, который ударил по моим собственным барабанным перепонкам. Потом забилась в узкую щель между холодильником и плитой и стала ждать Диану.

В больнице мне вкололи обезболивающее и удалили три обмороженных пальца на ноге и половину безымянного на руке. С тех самых пор я и живу, размышляя, как бы умереть.

Я выпрямилась, выдернула себя из страшного дома и вернула в настоящее – я взрослая и нахожусь у себя в спальне. Раз много-много лет мне не удастся умереть (я всегда отличалась отменным здоровьем), придется заняться

планированием жизни. Слава богу, изворотливый ум Дзев вернул меня к мыслям о собственном благосостоянии. Крошка Либби Дэй вдруг поняла, в каком направлении двигаться дальше.

Все эти «энтузиасты Бена Дэя», эти «следователи-расследователи» готовы платить не только за письма. Разве не расспрашивали они, где находится Раннер и кого из друзей Бена я могу вспомнить? Они заплатят за информацию, которую, кроме меня, никто добыть не может. Эти придурки выучили план дома Дзев, насобирали полные папки фотографий с места преступления, у каждого – собственная версия убийства. Но при их чудаковатости им вряд ли запросто удастся кого-то разговорить – зато за них это могу сделать я. Полиция, и не только, пойдет навстречу бедной, несчастной жертве. Так и быть, и с отцом поговорю, раз они этого хотят, – естественно, если удастся его разыскать.

Правда, все это вовсе не обязательно к чему-нибудь приведет. Дома при ярко включенном свете, снова почувствовав себя в безопасности, я напомнила себе о том, что Бен виновен – просто не может им не быть, – в основном потому, что не знала, что делать с другими вариантами. И вовсе не значит, что я собиралась что-то предпринимать, хотя за двадцать четыре года я впервые ощутила в этом необходимость. Я начала прикидывать в уме: скажем, 500 долларов за разговор с копами, 400 – за беседы с кем-то из приятелей Бена, 1000 – за поиски Раннера, 2000 – за разговор с ним. Наверняка у этих фанатов Бена целый список людей, которых я смогу уговорить уделить какое-то время Сиротке Дэй. И тянуться это может не один месяц.

Я так и заснула – с бутылкой рома в руке и с утешительной мыслью: «И все-таки Бен – убийца».

Бен Дэй

2 января 1985 года

09:13

Колеса выписывали невероятные зигзаги и кренделя на тропинке, которая больше подходила для мотокросса, к тому же летом, а не сейчас. Глупо было садиться на велосипед, но еще большей глупостью было то, что Бен изо всех сил крутил педали на обледеневшей ухабистой дороге; по обеим сторонам жесткой щетиной торчали короткие промерзшие стебли прошлогодней кукурузы. Взгляд упал на идиотскую бабочку, которую кто-то из сестер прилепил на спидометр. Насекомое торчит здесь уже не одну неделю, время от времени попадая в поле зрения и раздражая, но, по-видимому, не настолько сильно, чтобы ее убрать. Наверняка это дело рук Дебби – он представил круглые глаза-конфетки: «Как красиво!» Из-за блестящей наклейки он отвлекся, и велик на полном ходу ткнулся в замерзшую грязь, переднее колесо вывернуло влево, он не удержался и завалился набок вместе со своим транспортом, застряв в нем одной ногой. Правая рука наткнулась на острые, как разбитое стекло, прошлогодние стебли. Он сильно ударился головой, зубы клацнули так, что этот звук колоколом отозвался в голове.

После нескольких секунд вышибавшей слезу пронзительной боли, когда к нему вернулась способность нормально дышать, он почувствовал, что вниз по щеке мимо глаза теплой струйкой течет кровь. Вот и отлично. Он смахнул ее рукой, но из раны на лбу тут же зазмеился новый ручеек. Жаль, что не ударился больнее. Он никогда в жизни ничего не ломал, но этот факт признавал, лишь когда его припирали к стенке: «Да неужто, чувак?! Как ты, блин, умудрился столько лет прожить на свете и ни разу ничего не сломать? Небось, мамочка заворачивала тебя в особую упаковку?» Прошлой весной он и еще несколько парней пробрались в городской бассейн, Бен постоял над большой сухой дырой на платформе для ныряния, глядя на бетонное дно и раздумывая, как, если отсюда сигануть вниз, можно в буквальном смысле разбиться в лепешку и прослыть сумасшедшим. Он несколько раз подпрыгнул на платформе, махнул виски прямо из бутылки, еще пару раз качнулся вверх и вниз и вернулся в компанию ребят, которых едва знал; они все это время украдкой за ним наблюдали.

Безусловно, сломанная конечность была бы идеальным вариантом, но сойдет и кровь. Она сейчас текла не переставая вниз по щеке к подбородку и оттуда капала на лед. Яркие красные лужицы идеально круглой формы.

«Истребление и смерть».

Слова пришли ниоткуда. Слова, какие-то фразы, обрывки песен прилипали к нему мгновенно да так и застревали в голове. Истребление и смерть. Перед

глазами замелькали топоры древних викингов. Не среди них ли он был в прошлой жизни, и вот теперь дают о себе знать оставшиеся где-то глубоко внутри воспоминания, вдруг всплыв в нем легким пеплом? Он поднял велик и отогнал видение: ему, блин, не десять лет.

Он снова двинулся в путь, ушибленная нога болела, поцарапанная рука горела. Глядишь, и синячище появится. Диондре он точно придется по вкусу: она нежным пальчиком его пару раз погладит, а потом резко нажмет, чтобы появился повод пошутить, когда Бен подпрыгнет от неожиданности и боли. На все она реагирует чересчур: если смеется, то с дикими воплями и подвыванием; когда хочет изобразить удивление – так широко раскрывает глаза, что брови уползают вверх, почти до корней волос. Ей нравится выпрыгивать на него прямо из-за двери, чтобы он, испугавшись, пускался за ней вдогонку. Диондра – его девчонка. С именем, которое навеивает мысли не то о принцессе, не то о стриптизерше, – он точно определить не мог. Она немного напоминала и ту и другую: такая же богатая и беспутная.

У педалей что-то забренчало – появился звук болтающегося в жестяной банке гвоздя. Он остановился, чтобы глянуть, в чем дело, но так ничего и не понял. Руки покраснели и сморщились, как у старика, – и были такие же слабые. Пока он разглядывал велик, глаза заливала кровь. Блин, зараза! Ни на что он не годен! Когда от них ушел отец, он был совсем маленьким, у него путем-то и не было возможности научиться что-то делать руками – чинить, мастерить. В детстве он видел парней, копавшихся в мотоциклах, тракторах и машинах, чьи металлические внутренности напоминали внутренности диковинного животного. Сейчас он разбирался в животных. И в оружии – как все у них в семье, он был охотником, но это мало утешало, поскольку мать все равно стреляла лучше.

Он хотел быть полезным, но не знал, как этого добиться, и страшно терялся. Летом отец на несколько месяцев снова поселился у них на ферме, и Бен надеялся, что в конце концов он чему-нибудь его научит. Но Раннер, если что-то делал, даже не звал его посмотреть. Более того, давал понять, что не стоит крутиться у него под ногами. Раннер, судя по всему, считал его слабаком: если мать просила что-то починить, Раннер говорил в ответ: «Это мужская работа» – и улыбался Бену, требуя подтверждения. А у Бена так и не повернулся язык попросить Раннера о помощи.

И он совсем без денег. Хотя нет, минуточку, это не совсем так – у него в кармане четыре доллара тридцать центов личных сбережений. А вот в семье денег

действительно нет. Банковский счет всегда пуст – однажды он собственными глазами увидел остаток: один доллар десять центов, так что в тот момент вся семья имела в банке меньшую сумму, чем та, которая сейчас у него в кармане. Мать не умеет правильно организовать дела на ферме и вечно оказывается в заднице. Отвезет, например, на элеватор гору пшеницы на взятом в аренду грузовике, но ничего за это не получает или получит меньше, чем было затрачено на то, чтобы эту пшеницу вырастить, а если и выручает какие-то деньги, то всегда их кому-то должна. «Волки должны быть сыты», – говорила она, и когда он был совсем маленьким, всегда представлял, как она высовывается из черного входа во двор и бросает серой стае хрустящие зеленые купюры, а волки ловят их прямо на лету, как куски мяса. Но им этого всегда было мало.

Может, у них заберут ферму? Не пора ли? Лучше всего, пожалуй, было бы отделаться от нее и начать все сначала, чтобы не чувствовать, как это огромное умирающее существо связывает их по рукам и ногам. Но ферма была дорога матери как память, потому что принадлежала еще ее родителям и вызывала у нее особые чувства. Хотя, если подумать, она эгоистка, ей-бо-гу. Бен всю неделю работает на ферме, а потом в выходные в своей школе еще и убирает: школа – ферма, ферма – школа. Такой была его жизнь до Диондры, а теперь в его жизни уже три места: школа, ферма и большой дом Диондры прямо при въезде в город. Дома он задавал корм скоту и возил навоз, что-то подобное делал и в школе, где приходилось убирать комнаты со шкафчиками, в которых школьники держат вещи, мыть пол в столовке, – короче, убирать дерьмо за другими. И все равно половину заработанного приходилось отдавать матери. В семьях, видишь ли, принято делиться. Да неужели? А как насчет того, что родители должны заботиться о детях? На фига плодить еще троих, если трудно обеспечить даже одного ребенка?

Велосипед продолжал гроыхать по дороге, Бен ждал, что он вот-вот рассыплется, как в дешевой комедии, и он окажется верхом на одном колесе. До чего же противно, что приходится ездить на велике, как мальчишке. Как ужасно, что он пока не может водить машину. «Нет зрелища печальнее на свете, чем то, когда тебе всего пятнадцать лет», – говорит Трей, качая головой и выпуская ему прямо в лицо струю дыма. Он всегда так говорит, когда Бен приезжает к Диондре на велосипеде. Трей по большей части не отличался эмоциональностью, но у него всегда находился повод прицепиться к человеку с каким-нибудь замечанием. Ему было девятнадцать лет, он носил длинные волосы, черные и блеклые, как асфальтовое покрытие недельной давности, и был пасынком не то брата деда или бабки Диондры, не то друга семьи. Для Бена

оставалось загадкой, кем он ей приходится, то ли потому, что тот неоднократно менял историю родства, то ли потому, что Бен и сам обращал на это не слишком много внимания. Немудрено, ведь в присутствии Трея он тут же напрягался, а в голове вертелись назойливые вопросы. Почему он расставил ноги под таким углом? Куда девать руки? Сунуть в карманы или упереть в бока?

Но как ни встань, куда руки ни сунь, все равно это вызывало насмешки. Трей вообще был из тех людей, которые подмечают в тебе незначительный дефект, что-то такое, чего сам в себе не видишь, и сообщают об этом во всеуслышание. «Штанишки не замочишь – факт» – вот первое, что Трей ему сказал. На Бене тогда были джинсы, может быть, на сантиметр короче, чем нужно. Ну, может, на полтора. «Штанишки не замочишь – факт». Диондра прямо зашлась истеричным смехом. Бен ждал, когда она прекратит, а Трей снова начнет говорить. Ждать пришлось десять минут – он сидел молча, стараясь расположить ноги таким образом, чтобы носки не высовывались слишком сильно, затем под каким-то предлогом закрылся в ванной, ослабил ремень на одну дырочку и слегка – совсем чуть-чуть! – приспустил джинсы. Когда он вернулся (это было в гостиной у Диондры с голубым ковром на полу и огромными мягкими пуфами, которых там как грибов после дождя), второе, что он услышал от Трея: «Ремень-то у тебя почему на яйцах висит? Кого ты здесь хочешь обдурить!»

Снег усиливался... Но даже когда ему исполнится шестнадцать, у него все равно не будет машины. Машину, которая у них сейчас, мать приобрела по случаю на аукционе – ее когда-то сдавали в аренду. Вторую они не потянут – она уже об этом ему сказала, а еще сказала, что придется пользоваться одной на двоих. Нет уж, в таком случае она вообще на фиг не нужна. Он представил, как заезжает куда-нибудь за Диондрой на использованной в хвост и в гриву машине, которая хранит запахи сотен людей, пятна от съеденных в ней чипсов да следы бурных ласк, а сейчас в ней вдобавок отовсюду торчат учебники и тряпичные куклы сестер да валяются их пластмассовые браслеты. Ну уж нет! Правда, Диондра говорит, что он сможет водить ее машину (ей семнадцать – еще одна проблема, потому что не очень приятно ощущать, что учишься на два класса ниже своей девчонки). Перспектива сидеть за рулем ее автомобиля устраивала гораздо больше: вот они вдвоем в ее шикарной красной «хонде», салон благоухает ментоловыми сигаретами, которые она курит, динамики изрыгают тяжелый металл. Да, эта картинка куда приятнее.

Они уедут из этого вонючего городка в Уичито, где ее дядя держит магазин спортивных товаров и, может статься, возьмет его на работу. Бен однажды

попытался попасть и в баскетбольную и в футбольную команду школы, но и там и там ему сразу же и очень грубо отказали, типа вообще сюда носа не суй, поэтому целыми днями находиться в помещении с футбольными и баскетбольными мячами казалось иронией судьбы. Но с другой стороны, при наличии такого количества спортивного инвентаря ему, может, удастся поупражняться и достичь такого уровня, который позволит вступить в спортивный клуб. Так что здесь, похоже, тоже есть свои плюсы.

Но конечно, самый большой плюс его новой жизни – Диондра. Вот они в собственной квартире в Уичито обедают гамбургерами из «Макдоналдса», смотрят телевизор, занимаются сексом и выкуривают за ночь пачку за пачкой. Без Диондры Бен курил мало, а вот она была заядлой курильщицей и курила столько, что от нее пахло сигаретами даже после душа; казалось, надрезь у нее кожу – и из раны начнет сочиться ментол. Этот запах теперь ему нравится – для него это уже был уютный запах дома, как для кого-то, например, запах теплого хлеба. Вот так у них все и будет: они с Диондрой (у нее каштановые спиральки кудряшек на голове, жесткие от лака для волос, еще один ее запах – этот резкий грейпфрутовый дух, исходящий от волос) сидят на диване и смотрят мыльные оперы, которые она ежедневно записывает на видеокассеты. Хочешь не хочешь, ему тоже теперь приходится разбираться в перипетиях сюжета: дамы с открытыми плечами пьют шампанское, сверкая бриллиантами на пальцах, и одновременно изменяют мужьям, или мужья изменяют им, амнезия у героев и снова супружеская неверность. Он будет приходить домой с работы, руки будут пахнуть кожей баскетбольных мячей, а она уже будет ждать его с купленными для него в «Макдоналдсе» или в «Тако белл» гамбургером, или буррито, или начос, и они будут сидеть у себя в квартире и шутить над увешанными блестящими безделушками дамами из телевизора, Диондра будет показывать тех, у кого самые красивые ногти (собственные ногти она обожает), а потом начнет настаивать на том, чтобы покрасить ему ногти или покрасить губы, что она тоже любит делать, говоря при этом, что ей нравится превращать его в симпатяшку. В конце концов, совершенно голые и перемазанные кетчупом, они начнут соревноваться на кровати, кто кого перещекочет, и Диондра будет заходиться в громком обезьяньем смехе с воплями и визгом, и соседи снизу начнут колотить в потолок.

Однако эта картинка была неполной. Он сейчас намеренно обошел одну пугающую подробность, вычеркнул некоторые факты. А значит, все, о чем он тут намечтал, не более чем игра воображения. Он самый настоящий придурок, у которого не может быть даже задрипанной квартирki в Уичито. Внутри поднялась волна знакомой ярости. Ничего хорошего ему в этой жизни не светит,

и впереди длинная череда подстерегающих его повсюду ограничений и отказов во всем – никуда от них не деться.

«Истребление и смерть». И снова перед глазами замелькали топоры, ружья и пистолеты, окровавленные тела, загнанные в землю. Дикае вопли сменяются завыванием и пронзительным криком потревоженной птицы. Пусть из его раны не останавливаясь течет кровь, пусть!

Либби Дэй

Наши дни

Месяцев пять, пока тетя Диана приходила в себя после моего особенно разрушительного двенадцатого года жизни, я жила у троюродной сестры Раннера в Холкоме, городишке на юго-западе Канзаса. Из этих пяти месяцев я мало что помню, разве только поездку с классом на экскурсию в Додж-Сити, в музей знаменитого Уайетта Эрпа, который, до того как стать служителем закона, сменил множество профессий, в том числе незаконных. Мы-то ожидали, что нам покажут оружие, быков, расскажут о женщинах легкого поведения, но вместо этого мы, человек двадцать, расталкивая друг друга локтями, протискивались в тесные комнаты, где рассматривали какие-то бумаги. Целый день пришлось дышать пылью и нить. Личность Эрпа не произвела на меня никакого впечатления, но я все равно обожала всех этих злодеев Дикого Запада в небрежной одежде, с шикарными усами и стальным блеском в глазах. О разбойниках из прошлого всегда пишут «лжец и вор». В одной из затхлых комнатенок, пока экскурсовод скучно и монотонно рассказывал об искусстве работы с архивами, меня не покидало радостное ощущение, что я встретила отличного попутчика. Я тогда подумала: «Так это же про меня».

Я и врушка, и воришка. Не пускайте меня к себе в дом, а если впустили, не оставляйте без присмотра – я беру все, что плохо лежит. Меня можно застукать с ниткой бус из жемчуга, прилипшей к моим жадным ручонкам, но я тут же скажу, что оно напомнило мне мать, я до него дотронулась – лишь на секунду, извините, пожалуйста, извините, просто не представляю, что на меня нашло.

Но стоит отвернуться – бусы я таки умыкну. Кстати, у мамы были только дешевые побрякушки, которые оставляют грязно-зеленый след на коже, но вам-то откуда это знать!

Я тырю трусики, кольца, диски, книги, обувь, наручные часы. Иду куда-то в гости (друзей у меня нет, зато есть люди, которые меня к себе приглашают), а ухажу, надев под свитер несколько блузок, с парочкой симпатичных тюбиков губной помады в кармане и содержимым парочки кошелеков. Иногда, если другие гости находятся в изрядном подпитии, прихватываю и кошельки. Беру рецепты на лекарства, туалетную воду, пуговицы, ручки. Даже еду. У меня дома имеется фляга, которую чей-то дед привез со Второй мировой войны, а еще значок привилегированного студенческого общества – отличной учебой его заработал чей-то любимый дядюшка. А старинная складная оловянная чашка у меня так долго, что я и не помню, как и где ее украла. Мне нравится думать, что это наша семейная реликвия.

Однако мне трудно заставить себя даже смотреть в сторону того, что действительно принадлежало моей семье и хранится в коробках под лестницей. Я предпочитаю то, что принадлежит другим людям и не связано с историей моей жизни.

Есть у меня, правда, и то, что я не украла, – роман «Урожай дьявола: жертвоприношение Сатане в канзасском городке (основан на реальных событиях)», опубликованный в 1986 году. – Книга вышла из-под пера бывшего репортера Барб Эйчел. Вот, пожалуй, и все, что мне известно. По крайней мере трое моих ухажеров в разное время дарили мне по экземпляру – с торжественным и мудрым видом, после чего я их тут же бросала. Говорю, что не хочу читать эту книжку – значит, не хочу: я не меняю своих привычек. У меня, например, правило – всегда спать с включенным везде светом, а очередной кавалер, которого, наверное, это удивляет, шепчет что-то вроде: «Малыш, я не дам тебя в обиду» – и пытается свет погасить.

Я выудила «Урожай дьявола» из накренившейся стопки книг в углу – книги я не выбрасываю по той же причине, что и коробки с семейным архивом и другой фигней, наверное считая, что когда-нибудь мне все это понадобится, а если нет – не хочу, чтобы это оказалось в руках чужих людей.

Открыла первую страницу:

«Городок Киннаки в штате Канзас, в самом сердце Америки, – тихое местечко, где живут и трудятся фермеры. Здесь все друг друга знают, вместе ходят в церковь, вместе старятся. Но местные жители не застрахованы от сил зла из внешнего мира. В ночь со второго на третье января 1985 года эти силы расправились с тремя членами семьи Дэев, утопив их в потоках крови и ужаса. Перед вами не просто рассказ о преступлении – это история о поклонении дьяволу, о кровавых ритуалах и о проникновении сатанизма во все уголки Америки, даже самые уютные и на первый взгляд благополучные и безопасные».

В ушах снова загудело – возвращались звуки той ночи: низкий мужской окрик, громкая возня, вой. Машины леденящие душу вопли. Опять она – Черная дыра... Я взглянула на фото Барб на последней странице. Короткий ежик волос, в ушах сережки-висюльки, грустная улыбка. Биографическая справка сообщала, что она живет в Топике, штат Канзас. Да, но это было двадцать с лишним лет назад.

Нужно позвонить Лайлу Вирту и предложить информацию в обмен на деньги; правда, я пока не готова снова выслушивать его поучения и мысли об убийстве моих собственных родственников (как он там выразился: «Вы действительно считаете, что убийца Бен?»). Я должна быть в состоянии спорить с ним, а не стоять столбом, как невежда, не способная сказать что-либо вразумительное. Что, в принципе, я из себя и представляю.

Пока я пробегала глазами книжку, подоткнув под спину подушку, Бак не отрываясь за мной наблюдал: вдруг я сделаю телодвижение в сторону кухни. Барб Эйчел назвала Бена «одиночкой-нелюдимом в черном, злобным, никем не любимым» и «одержимым музыкой и песнями в стиле самого жесткого и жестокого тяжелого металла (известного как черный), которые, по слухам, не что иное, как зашифрованные призывы, адресованные самому дьяволу». Естественно, я поискала, что она написала обо мне, – оказалось, что я «ангелоподобное создание и очень сильная личность», «полная решимости и горя девочка», что меня отличают «самостоятельность и независимость, которые невозможно обнаружить в детях даже вдвое старше». А наша многодетная семья была «счастлива, полна жизни и мечтала о будущем с чистыми помыслами и незапятнанной репутацией». Да уж, загнула журналистка. Книгу отличал решительный тон и однозначное отношение к произошедшему у нас в доме преступлению. После всех этих высказываний в клубе, где меня еще и дурой называли, очень хотелось поговорить с человеком, который тоже считает,

что Бен виновен. Берегись, Лайл! Я представила, как загибаю пальцы: «Вот вам такой факт, а вот еще, еще и еще, и все они доказывают, что вы, придурки, ошибаетесь» – и Лайл, разжав губы, признает мою правоту.

Впрочем, если он захочет предложить мне деньги, отказываться не стану.

Не зная, с чего начать, я позвонила в справочную службу Топики. Божественный голос на другом конце назвал номер телефона Барб Эйчел. Она по-прежнему там живет – надо же, как все просто.

Она подняла трубку со второго гудка, голос был веселым, звонким, пока я не назвалась.

– Либби, дорогая. Я все время надеялась, что ты со мной свяжешься, – сказала она, прокашлявшись. – А еще думала, что мне самой следует тебя отыскать. Прямо не знала, как поступить...

Я представила, как, разговаривая со мной, она озирается и ковыряет ногти. Такие дамы обычно минут двадцать изучают меню, но все равно не могут определиться с заказом, когда к ним подходит официант.

– Я хотела бы поговорить с вами о... Бене, – начала я, не уверенная, какие слова следует говорить.

– Да-да, знаю-знаю. После выхода книги я за много лет написала ему несколько писем с извинениями. Просто не представляю, сколько раз мне нужно повторить, что я очень виновата перед ним и что мне очень-очень стыдно за книгу, будь она проклята.

Вот уж поистине неожиданность.

Барб Эйчел пригласила меня на ланч – хотела все объяснить лично. К сожалению, она больше не водит машину (при этих словах беспечность в голосе была столь безоблачной, что я уловила истинный смысл: дамочка принимает слишком много таблеток), поэтому будет очень благодарна, если я приеду сама. – Слава богу, Топика не очень далеко от Канзас-Сити, но ехать туда все

равно не хотелось: мне хватило этого города в детстве и юности. Здесь когда-то была чертова прорва психиатрических клиник, честное слово. Перед въездом в город на шоссе даже красовался щит с надписью вроде «Добро пожаловать в психиатрическую столицу мира!». Здесь обитают либо полудурки, либо врачи; меня когда-то возили в Топику на особые психологические сеансы, которые со мной проводили амбулаторно. Как я все это выдержала?! Со мной беседовали о моих ночных кошмарах, о приступах ярости и паники. В подростковом возрасте вели разговоры о моей склонности к физической агрессии. Короче, лично я считаю, что весь этот город, столица штата Канзас, – одна большая психушка.

Прежде чем ехать к Барб, я прочла ее книгу до конца и вооружилась фактами и вопросами. Но за три часа поездки в город всего в часе езды от Канзас-Сити энергии у меня поубавилось. Я все время сворачивала не туда, куда нужно, и ругала себя за то, что дома нет Интернета, иначе можно было бы проложить маршрут заранее. У меня по жизни беда со стрижкой, заполнением бензобака, визитами к стоматологу. Когда я переехала в свой нынешний дом, первые три месяца я провела, завернувшись в одеяла, потому что никак не могла включить газ. За прошедшие несколько лет его с десятков раз отключали, потому что иногда мне трудно заставить себя заполнить форму для оплаты. У меня беда с тем, что нужно делать регулярно.

Дом Барб оказался строением довольно приличных размеров с оштукатуренными стенами умиротворяющего бледного-лубого цвета. Кругом в изобилии висели японские колокольчики, металлические и стеклянные, керамические и из бамбука. – Она открыла дверь и отпрянула, будто я ее несказанно удивила. Стрижка у нее осталась такая же, как на фотографии в книжке, только сейчас это был седой ежик. На ней были очки с цепочкой, украшенной бусинками, что пожилые дамы считают «последним писком». Ей было хорошо за пятьдесят, с костлявого лица на меня смотрели темные глаза навывкате.

– О Либби, здравствуй, дорогая! – Она задохнулась от изумления и тут же бросилась ко мне с объятиями, во время которых какая-то из ее костей уперлась мне в правую грудь. От нее разило шерстью и пачулями. – Входи же, входи!

Навстречу с радостным лаем, клацая по плитке когтями, бросилась мелкая собачонка. Где-то начали бить часы.

– Надеюсь, ты ничего не имеешь против собак. Он такое чудо! – сказала Барб, наблюдая, как псинка с энтузиазмом крутится вокруг меня. Я ненавижу собак,

даже маленьких и хорошеньких, поэтому тут же подняла обе руки вверх, демонстрируя полное нежелание потрепать ее за ухом. – Все, Винни, хватит, малыш, дай же нашей гостье пройти в дом, – засюсюкала она. Когда я услышала имя собачонки, она показалась мне еще противнее.

Барб усадила меня в гостиной, где все было пухлым и круглым: стулья, диван, ковер на полу, подушки и подушечки, занавески. Она суетилась вокруг, через плечо бросая какие-то фразы, и дважды поинтересовалась, что я буду пить. Я почему-то поняла, что она принесет какую-нибудь дрянь типа жасминового эликсира или вытяжки из корней ягод с затейливым названием и непременно в глиняной кружке, поэтому попросила просто воды. Бутылок с алкоголем я не заметила, зато таблетки здесь присутствовали точно – от этой женщины все словно отскакивало.

Она принесла на подносе сэндвичи. Моя вода представляла собой сплошные кубики льда, которые я прикончила в два глотка.

– Как там Бен? – спросила она, наконец усевшись. Поднос она все-таки поставила рядышком с собой. Наверное, это давало возможность быстро ретироваться.

– Не знаю. Я с ним не общаюсь.

Казалось, она меня совсем не слушает, настроенная на какую-то собственную волну. Что-то вроде легкого джаза.

– Честное слово, Либби, я чувствую огромную вину за ту роль, которую сыграла в этой истории, хотя книга вышла после решения суда и никак на него не повлияла, – сказала она поспешно. – Но я, как и все остальные, поторопилась с выводами. Все дело в том, когда это произошло. Ты была совсем маленькая и не помнишь, но это были восьмидесятые, то есть годы массовой истерии, которая получила название «сатанинская паника».

– Что-что?

И она туда же. Интересно, как часто в разговорах она приводила в пример меня?

– В то время все – психиатры, полиция и другие органы правопорядка, – короче, все до единого считали, что кругом одни дьяволопоклонники. Это было... ультрамодно. – Она подалась ко мне, покачивая сережками и растирая руки. – Люди всерьез полагали, что в стране действует настолько разветвленная сеть сатанистов, что их можно встретить где угодно. Начинает подросток как-то странно себя вести – всё, он поклоняется Сатане. Приходит девочка из детского сада с синяком или со странными разговорами о своих половых органах – всё, воспитательницы у нее поклоняются Сатане. Вспомни-ка следствие по делу детского дошкольного центра Макмартинов в Калифорнии в восьмидесятых годах. С этих бедных воспитателей и педагогов обвинения сняли через много лет! Статьи и книги о сатанистах расходились мгновенно. Я клюнула на это, Либби. Слишком многое принималось на веру.

Собачонка принялась меня обнюхивать, я напряглась, надеясь, что Барб ее позовет, но она ничего не замечала, не отрывая глаз от отбрасывающего золотые блики витражного подсолнуха над моей головой.

– Книжка имела успех, – продолжала Барб. – Признаться, мне понадобилось целых десять лет, чтобы понять: разрабатывая версию о Бене-сатанисте, я игнорировала совершенно очевидные нестыковки.

– Например?

– Да взять хотя бы то, что ты ни в коей мере не могла считаться заслуживающим доверия свидетелем, что тебя явно инструктировали. Этот коновал от психиатрии, которого приставили, якобы чтобы тебя «разговорить», на самом деле вкладывал в твою голову определенные мысли и диктовал, что именно ты должна сказать.

– Доктор Брунер, – вспомнила я.

Это был похожий на хиппи мужик с бачками, крупным носом и маленькими глазками. Он напоминал доброго зверя из сказки и был, помимо тети Дианы, единственным человеком, который мне в тот год нравился, и единственным, с кем я разговаривала о злополучной ночи, потому что Диана о ней говорить не хотела. Доктор Брунер.

– Шарлатан, – сказала Барб и глупо захихикала.

Я собралась было протестовать, чувствуя обиду, потому что она, по сути дела, прямо в глаза назвала меня лгуньей, что, собственно, соответствовало действительности, но я все равно рассердилась. Однако ей как будто этого было мало:

- А алиби твоего папаши? Эта его подружка? Ни в какие ворота! У твоего отца вообще алиби не было, к тому же он задолжал очень многим большие деньги.

- Но у матери не было денег.

- У нее, поверь мне, их было больше, чем у него.

Я поверила. Папаша однажды послал меня к соседям, чтобы меня там из жалости покормили, и велел покопаться у них в вещах и принести ему, что найду.

- А еще там был окровавленный след мужской туфли, и кому он принадлежал, так и не выяснили. Кроме того, место преступления не опечатали, что я, между прочим, тоже в книге опустила. Там постоянно туда-сюда сновали люди. Несколько раз заходила твоя тетушка, чтобы взять для тебя вещи. Это против правил полицейского расследования. Но никому до этого не было дела. Все, конечно, были насмерть перепуганы. А тут этот странный подросток - он никому не нравится, у него нет денег, он вляпывается в неприятности и, на беду, любит тяжелый металл. Стыдно вспоминать. - Она на секунду замолчала. - Это ужасно. Настоящая трагедия.

- Бена могут выпустить? - спросила я, а в животе будто что-то расплавилось. То, что ее уверенность в виновности Бена сменилась на уверенность в его невиновности, поражало и злило. - Те же чувства вызвала встреча еще с одним человеком, полагавшим, что во время следствия и на суде я давала ложные показания.

- Ты ведь пытаешься ему помочь, да? Но после стольких лет положение почти невозможно исправить. Время, отпущенное для подачи апелляции, для него, как ни прискорбно, истекло. Он должен добиваться передачи дела в вышестоящую инстанцию, а это... чтобы дело сдвинулось, вам всем понадобятся какие-то новые, очень серьезные улики вроде исследований ДНК. Но ваших родных, к

сожалению, кремировали, поэтому...

– Ясно. Что ж, спасибо, – перебила я, понимая, что мне нужно домой. Прямо сейчас.

– Книга написана после приговора суда, но, если я смогу чем-нибудь тебе помочь, дай мне знать. В чем-то я все-таки виновата и несу за это ответственность.

– Вы делали какие-нибудь заявления? Может, сообщили полиции, что не считаете Бена убийцей?

– Вообще-то нет. Похоже, большинство людей давно по-ня-ли, что Бен не убивал. – Голос Барб зазвенел. – Полагаю, ты официально отказалась от своих показаний? Это было бы очень кстати.

Она ждала, что я скажу что-нибудь еще, объясню, почему приехала к ней именно сейчас. Или скажу: да, конечно, Бен невиновен и я собираюсь добиться справедливости. Она изучала меня, тщательно пережевывая каждый кусочек. Я взяла себе сэндвич с огурцом и чем-то еще, но тут же положила обратно, оставив на влажном хлебе отпечаток большого пальца. Комната была увешана книжными полками, но на всех стояли исключительно разного рода руководства с бодрыми названиями на переплетах: «Открой для себя восход солнца!», «Давай, девочка, вперед!», «Прекрати себя изводить», «Выпрямись и вздохни полной грудью», «Будь себе лучшим другом», «Вперед и вверх!». И все в том же духе. Чем дальше я их изучала, тем гаже себя чувствовала. Как лечиться травами, позитивное мышление, самопрощение, как жить с собственными ошибками. Даже книга о том, как победить медлительность. Я не доверяю людям, которые сами себе помогают. Как-то раз много лет назад я ушла из бара с приятелем приятеля – милым, приятным, внешне абсолютно нормальным парнем с квартирой неподалеку. – После секса, когда он заснул, я начала изучать комнату и увидела, что стол утыкан стикерами с инструкциями:

Не парься из-за глупостей: вокруг только они и совершаются.

Если бы мы оставили попытки стать счастливыми, все бы наладилось.

Получай от жизни удовольствие – никто не уходил из нее живым.

К чему грустить! Улыбнись!

Если бы я вдруг нашла горку черепов с остатками волос, и то бы так не испугалась, как при виде этого назойливого оптимизма. Помню, я в панике выскочила из дома, запихнув нижнее белье в рукав, и летела оттуда сломя голову.

Я уехала от Барб с обещанием позвонить в ближайшее время и синим пресс-папье в форме сердца, которое умыкнула у нее из тумбочки.

Пэтти Дэй

2 января 1985 года

09:42

Раковина в том месте, где Бен красил волосы, была в грязно-фиолетовых потеках. Значит, среди ночи он заперся здесь и, сидя на крышке унитаза, изучал инструкцию на коробке с краской для волос, которую она обнаружила в мусорном ведре. С коробки улыбалась женщина с бледно-розовой помадой на губах и черными как смоль волосами, постриженными под каре. А краску он, наверное, украл – невозможно представить, как сын, опустив голову, кладет коробку перед кассиром. Вот и украл. А потом ночью, совершенно один, отмерял нужное количество, смешивал ингредиенты и мазался полученной массой. И сидел с этой химической кашей на голове и ждал.

От этих мыслей стало невероятно грустно. В их доме, где полно женщин, ее сын ночью сам красит волосы. Конечно, глупо было бы предположить, что он мог попросить ее содействия, но как же, наверное, грустно и одиноко заниматься таким делом без сообщника. Двадцать лет назад ее старшая сестра Диана прокалывала ей уши в этой самой ванной. Пэтти накалила булавку в пламени дешевой зажигалки, Диана разрежала пополам картофелину и приложила холодной мокрой сердцевинкой к мочке уха с обратной стороны. Они заморозили

мочку кубиком льда из холодильника, и Диана («Стой же ты, не шевелисссь!») проткнула ее раскаленной булавкой. Кстати, а зачем была нужна картофелина? Чтобы лучше прицелиться или еще для чего-то – теперь и не вспомнить. После этого перепуганная Пэтти с торчащей из уха булавкой осела на пол у ванны, отказываясь продолжать процедуру. Но, настроенная решительно, несговорчивая Диана в своей огромной теплой ночной рубашке пошла в наступление со второй булавкой на изготовку.

- Одно ухо не прокалывают, Пи. Еще буквально секунда – и все!

Диана, деятельная натура, уже тогда считала, что все нужно доводить до конца, и этому ничто и никто не может препятствовать: ни погода, ни лень, ни горящее огнем ухо, ни растаявший лед, ни трусиха-сестра.

Пэтти покрутила в ушах золотые сережки-гвоздики. Левая торчала не в центре мочки – между прочим, по ее собственной вине, потому что она дернулась в самую последнюю минуту. И все-таки вот они – свидетельства подросткового стремления к самостоятельности. Рядом была сестра, с ее же помощью и участием она в первый раз нарисовала губы, а году в шестьдесят пятом к гигиенической прокладке размером с хороший подгузник приладила эластичный крепеж. Определенно, некоторые дела нельзя делать в одиночку.

Она почистила раковину «Кометом». Скоро приедет Диана. – Она всегда заезжала в середине недели, если «была на машине», таким образом превращая тридцать миль пути на ферму всего лишь в часть обычных дневных забот. Диана посмеется над этим последним подвигом Бена. Диана всегда была ей нужна как глоток воды, когда ее беспокоили школа, учителя, ферма, Бен, собственное замужество, дети, снова ферма (а начиная с восьмидесятого года это всегда, всегда, всегда была ферма). Сидя на складном стуле в гараже и выкуривая сигарету за сигаретой, она назовет Пэтти идиоткой и велит не брать в голову. Передряги находят человека, хочет он того или нет. С Дианой рядом это были почти живые существа с крючками вместо пальцев – и с ними требовалось расправляться немедленно. Диана не заикливается на неприятностях – это удел пассивных натур.

Но у Пэтти не получалось не брать в голову. За последний год Бен от нее отдалился, превратился в этого странного, пребывающего в вечном напряжении парня, который сидит в своих четырех стенах и слушает музыку – от нее эти самые стены ходят ходуном, а из-под двери изрыгаются режущие ухо слова, от

которых тревожно на душе. Пэтти сначала не прислушивалась, потому что сама музыка была такой безумной и отвратительной, но однажды, вернувшись домой из города раньше (Бен думал, что дома никого нет), она встала под дверь и услышала жуткие вопли:

Меня больше нет,

Я уничтожен,

Дьявол забрал мою душу,

Я теперь сын Сатаны...

В этом месте пластинка запнулась, и снова понеслось: меня больше нет, я уничтожен, дьявол забрал мою душу, я теперь сын Сатаны.

Потом опять. И опять. Пэтти вдруг поняла, что Бен стоит над проигрывателем и, переставляя иглу, снова и снова, как молитву, слушает эти слова.

Как же ей сейчас нужна Диана. Срочно. Прямо сейчас. Она устроится на диване этакой большой доброй медведицей, в одной из трех своих теплых фланелевых рубашек и с заменяющей сигареты специальной жвачкой во рту (она ведь бросает курить), и начнет вспоминать о том, как однажды Пэтти пришла домой в платье мини и родители ахнули, словно отчаявшись на нее повлиять. «Но ведь тогда ты была совсем ребенком. Вот и с ним то же самое». И Диана щелкнет пальцами, как будто все это яйца выеденного не стоит.

Дочери толклись за дверь ванной. Услышав, как она там что-то трет и бормочет про себя, они поняли, что неприятности не закончились, и теперь пытались определить, лить слезы или приниматься кого-то обвинять и упрекать. Когда Пэтти плакала, это неизменно вызывало слезы по крайней мере у двух ее дочерей, а если с кем-то случались неприятности, дом разражался потоками обвинений. Определенно, женской частью Дэев владело стадное чувство. Штука небезопасная, если учесть, что у них на ферме кругом сплошные вилы.

Она сполоснула руки – обветренные, красные, грубые – и взглянула на себя в зеркало, проверяя, не мокрые ли у нее глаза. Ей тридцать два года, а выглядит она лет на десять старше: лоб напоминает детский бумажный веер, вокруг глаз разбегаются гусиные лапки, в коротких рыжих волосах уже мелькают седые

нити. У нее было непривлекательное тело, тощее и угловатое, словно она наглоталась молотков, шариков нафталина да старых бутылок. Такую не хочется обнимать – ее дети этого почти никогда не делают. Мишель нравится ее причесывать (как многое другое, она делала это нетерпеливо и напористо), Дебби прислоняется к ней, когда стоит в свойственной ей рассеянной манере. Бедняжка Либби прикасается к ней, только когда ей очень больно. Ничего удивительного: Пэтти была настолько измождена, что к двадцати пяти годам даже соски превратились у нее в твердые шишки – Либби почти сразу пришлось кормить из бутылочки.

В тесной ванной не было шкафчика для туалетных принадлежностей. (Что делать, когда девочки закончат начальную школу, – одна ванная на четырех женщин! Что делать Бену? Она вдруг представила сына, одинокого и несчастного, в номере убогого мотеля среди засаленных полотенец и со скисшим молоком на столе.) Все самое необходимое стояло тут же на раковине. Бен сдвинул в сторону аэрозоль, дезодорант, лак для волос, крошечную коробочку с детской присыпкой (когда она ее покупала?), и теперь все это было в тех же фиолетовых пятнах, что и раковина. Пэтти бережно, словно это были фарфоровые статуэтки, протерла каждую емкость. Она пока не готова к следующей поездке в универмаг. Месяц назад в благодушном расположении духа она отправилась в город, надумав приобрести кое-что лично для себя: крем и лосьон для лица, помаду, – и специально на эти цели положила в нагрудный кармашек свернутую двадцатидолларовую бумажку. Конечно, это мотовство. Но ее ошеломило и совершенно обескуражило обилие кремов для одного только лица: увлажняющий, против морщин, солнцезащитный. Можно купить увлажняющий, но к нему хорошо бы иметь соответствующий крем для снятия макияжа, а еще нечто под названием «тоник» – и пятидесяти баксов как не бывало, а ведь еще не дошло до ночного крема. Она вышла из магазина с пустыми руками, чувствуя себя полной идиоткой и мучимая угрызениями совести.

– У тебя четверо детей, никому и в голову не придет ожидать от тебя свежести розы, – заявила ей тогда Диана.

Но как же иногда хотелось быть свежей, как роза. Несколько месяцев назад вернулся Раннер – неожиданно, как с неба свалился. Голубоглазый, загорелый, он возник на пороге в грязных джинсах, с рассказами о рыболовецких траулерах на Аляске и гонках во Флориде, не чувствуя никакой вины за то, что дети от него не получили ни цента за три года, когда о нем не было ни слуху ни духу, и

спросил, нельзя ли ему у них перекантоваться, пока не устроится; денег, естественно, у него не было, но он протянул Дебби полбутылки теплой колы, как чудесный подарок. Он пообещал починить все, что сломалось, и сделать это просто так, раз она не хочет по-другому. Стояло лето, и она позволила ему спать на диване, а он по утрам, когда к нему прибегали девочки, лежал там развалившись, в засаленных и драных трусах, из которых чуть ли не наполовину вываливалось его хозяйство.

Но дочери были от него в восторге (он называл их куколками и ангелочками), и даже Бен внимательно за ним наблюдал, то общаясь с ним, то дичась. Раннер и не особенно старался завладеть его вниманием, но пробовал с ним шутить. Он говорил о себе и о нем как о мужчинах, что было хорошо. Например, скажет: «Это мужская работа» – и подмигнет Бену. Через три недели на своем грузовике он приволок откуда-то раскладной диван и попросил разрешения немного пожить у них в гараже. Это показалось ей приемлемым. Он помогал ей мыть посуду, открывал перед ней двери и вел себя так, чтобы она замечала, что он смотрит на ее попу, но тут же делал вид, что смущается. Однажды вечером, подавая ему чистое постельное белье, она позволила себя поцеловать. Он тут же сгреб ее, прижал к стене, залез под рубашку, начал лапать. Она оттолкнула его, сказала, что не готова, и слабо улыбнулась. Он зло пожал плечами, смерил ее взглядом, поджав губы. Раздевшись перед сном, она чувствовала запах никотина там, где он ее хватал.

Еще с месяц он болтался на ферме, то и дело бросая на нее похотливые взгляды, начинал что-то делать по хозяйству, да так и не доделывал. Когда однажды утром за завтраком она попросила его съехать, он обозвал ее сукой и швырнул в нее стаканом – вон на потолке до сих пор пятна от сока, а когда все же убрался, она не досчиталась шестидесяти долларов – он их стащил; прихватил еще и шкатулку для драгоценностей, но, очевидно, очень скоро убедился, что там нет ничего ценного. Он переехал в заброшенную халупу где-то в миле от фермы. Видимо, единственным источником тепла там была печь, потому что из трубы постоянно шел дым. Иногда она слышала звуки выстрелов в небо.

Это стало ее последним романом с отцом ее детей, но сейчас не время об этом думать – нужно возвращаться к действительности. Пэтти заправила за уши сухие, непослушные волосы и открыла дверь ванной. Мишель сидела на полу прямо перед дверью и делала вид, что изучает покрытие. Она пылливо глянула на мать из-за серых дымчатых стекол.

– У Бена неприятности? – спросила она. – Зачем он это сделал? С волосами?

– Наверное, болезнь роста, – сказала Пэтти, но как только Мишель глубоко вздохнула (а она всегда набирала в легкие побольше воздуха, прежде чем заговорить – короткими предложениями, почти не разделяя слов, которые просто цеплялись одно за другое, пока не заканчивался воздух), они услышали звук свернувшей к ним с шоссе машины.

Подъездная дорога была длинной, и проходила еще пара минут, пока поворачивавшая машина останавливалась перед домом. И хотя дочери с радостными криками «Диана! Диана!» уже бежали к окну, Пэтти почему-то сразу поняла, что это не сестра. В конце концов, они печально повздыхают, и все. Пэтти почувствовала, что это Лен, представитель банка-кредитора. Даже в манере вести машину проявлялась его собственническая натура. Лен-прилипала. Лен-кровопийца. С семьдесят первого года она ведет с ним бесконечный диалог. К тому времени Раннер, который поначалу смотрел на ферму как на свою собственность, а не на собственность, принадлежавшую ее деду и бабушке, ее родителям, а потом и ей, уже сбежал, предварительно объявив, что подобная жизнь ему не по нутру.

Единственное, что он сделал, так это сначала на ней женился, а потом разорил ферму. Бедолага Раннер, он во всем разочаровался, а ведь в семидесятых у него были такие далеко идущие планы. Тогда люди наивно полагали, что можно разбогатеть, занимаясь фермерством. (Ха, можно подумать! И она громко хмыкнула при этой мысли.) Они с Раннером получили ферму от ее родителей в семьдесят четвертом. Это стало грандиозным событием, куда более значительным, чем ее замужество и рождение первенца. Ни свадьба дочери, ни рождение у нее сына так не взволновали ее тихих и милых родителей – от Раннера даже тогда за милю несло бедой, но (земля им пухом!) они ни разу не сказали о нем ни единого дурного слова. Когда в семнадцать лет она сообщила, что беременна и собирается замуж, они лишь выдохнули: «Ох», и все. Но это сказало о многом.

С того дня, когда папа и мама передавали ферму, у Пэтти осталась размытая фотография: смущенные и гордые, они улыбаются в объектив; рядом она с Раннером с улыбками победителей, у обоих шапка волос на голове, невероятно молодые, с шампанским в руках. Родители никогда прежде не пробовали шампанского, а тут специально по столь торжественному случаю съездили за ним в город. Шампанское наливали в банки из-под желатина.

Дела очень быстро пошли плохо, но она не может во всем винить только Раннера. В то время все кругом думали, что цена на землю продолжит расти, так почему бы в таком случае не взять больше? «Ни клочка неосвоенной земли!» – этот боевой клич тех лет многим кружил голову. Полный вперед! Проявляйте инициативу, действуйте смело! Раннер со своими безмерными амбициями и полным отсутствием знаний решительно отправлялся с ней в банк (по этому случаю он всегда надевал галстук густо-зеленого цвета из толстой-толстой ткани) и что-то мычал, выпрашивая ссуду. Поход обычно заканчивался тем, что им давали в два раза больше, чем они просили. Наверное, не следовало брать такие деньги, но в банке подбадривали: не беспокойтесь – экономический подъем.

«Они деньги даром раздают!» – возбужденно вопил Раннер, и на ферме вдруг появлялся новый трактор и шестирядная сеялка, хотя достаточно было бы и четырехрядной. Через год на ферме красовался блестящий вездеход «Краузе» и новенький комбайн знаменитой компании по производству сельскохозяйственной техники Джона Дира. Верн Ивли, с его впечатляющими пятьюстами акрами земли, непременно комментировал каждое новое приобретение Дзев, осуждающе приподнимая бровь. Раннер приобрел еще землю и рыбацкий катер, а когда Пэтти спрашивала, надо ли это делать, он злобно зыркал на нее и орал, как это больно, что она в него не верит. Потом все в одночасье рухнуло. Словно чья-то злая шутка – в восьмидесятом президент Картер ввел эмбарго на экспорт зерна в Советский Союз (не до фермеров сейчас – время бороться с коммунизмом!), банковские ставки выросли до восемнадцати процентов, цены на топливо сначала только ползли вверх, а потом взмыли, много банков обанкротилось, в конкуренцию на рынке вдруг вступили страны, о существовании которых она едва знала, какая-то там Аргентина. В конкуренцию с ней из крохотного Киннаки в штате Канзас. Несколько неудачных лет – и Раннер сломался. И заиклился на Картере – говорил о нем всегда. Сидит перед телевизором с пивом, смотрит плохие новости, но как только заметит, что где-то блеснут эти большие кроличьи зубы, взгляд у него стекленеет и в нем закипает такая ненависть, что кажется, он знаком с Картером лично.

Итак, во всех бедах Раннер обвинял Картера, а все остальные в их убогом городишке винули ее. Теперь при встрече Верн Ивли все время укоризненно щелкал языком: ай-я-яй. У фермеров, как-то умудрявшихся оставаться на плаву, она не вызывала сочувствия, они смотрели на нее, словно она сначала голышом кувыркалась в снегу, а потом решила утереть сопливый нос о них. Как раз прошлым летом у фермера недалеко от Арканзас-Сити что-то там сломалось в

загрузочной воронке, и на него высыпались почти две тонны пшеницы. Здоровенный мужик, он попросту утонул в зерне. Задохнулся, прежде чем его успели вытащить. В Киннаки все так горевали, так переживали из-за этого столь невероятного происшествия, пока не узнали, что фермер не мог выплачивать долги. Тогда вокруг заговорили: «Надо быть осторожней» – и пустились в рассуждения о том, как заботиться о технике, и о соблюдении правил безопасности. И тут же все ополчились на бедолагу, которого погубил собственный урожай.

В дверь позвонили, и (ее опасения оправдались) на пороге появился Лен, тут же вручил Мишель свою шерстяную шапку, а Дебби – несуразно большое пальто и начал тщательно очищать от снега новехонькие, чересчур блестящие туфли. Бен не одобрил бы такие, подумала она. Бен мог часами осматривать свои новые кроссовки и даже давал сестрам по очереди в них походить, но это было в то время, когда он еще допускал их к себе. Либби сердито зыркнула на Лена с дивана и снова отвернулась к телевизору. Она обожала Диану, а этот дядька обманул ее, потому что вошел в дверь вместо Дианы.

Лен всегда здоровался как-то странно, нараспев – на манер тиролевских горцев, с переливами; приветствие в его устах звучало так глупо и не к месту, что Пэтти каждый раз приходилось к нему готовиться. На этот раз он его выкрикнул в коридоре, и она нырнула обратно в ванную, чтобы скрыть истинные эмоции и нацепить на лицо дежурную улыбку. Лен всегда ее обнимал, что наверняка не позволял себе ни с одним из фермеров, с которыми общался по долгу службы. Она пошла навстречу его раскинутым рукам, он придержал ее за локти – пожалуй, чуть дольше, чем позволяли приличия, и потянул носом воздух, будто принюхивался к ней. От него несло сардельками и мятной жвачкой. Когда-то он всерьез решил за ней приударить и даже настаивал на том, чтобы она уступила его домогательствам, но его ухаживания были настолько жалкими, что хотелось плакать. Охотник и объект охоты, оба они – ошибка природы: он – самый слабый в помете койот с трех ног, она – усталая хромя крольчиха. Потрясающая парочка, нечего сказать!

– Как поживает наша хозяйка фермы? – сказал он. Между ними существовало молчаливое согласие: то, что она управляется с фермой в одиночку, – уже само по себе почти анекдот. Наверное, так оно и есть.

– Да вот, поживаю, худо-бедно, – ответила она.

Дебби и Мишель удалились к себе в комнату. Либби недовольно сопела на диване. Через пару недель после его прошлого визита у них на ферме устроили аукцион, и Дэи из окошка смотрели, как соседи по дешевке скупают необходимое в хозяйстве оборудование. Мишель и Дебби распереживались, увидев одноклассниц – сестер Бойлер: те разгуливали с родителями, как на пикнике, и всюду совали нос. «Почему мы не можем выйти на улицу?» – ныли они, сердились и умоляли, поглядывая, как сестрицы Бойлер по очереди катаются на качелях – может, уже и качели проданы?! Пэтти повторяла: «Среди тех людей за окном у нас друзей нет». Люди, которые присылали ей на Рождество поздравительные открытки, сейчас ощупывали ее дрель, точильный станок, все ее инструменты, даже половину цены предлагая неохотно. Верн Ивли забрал ту самую сеялку, которая когда-то так его раздражала, снизив первоначально заявленную цену. Безжалостный поступок. Через неделю она столкнулась с ним в магазине, куда заехала за кормами, – он отвернулся, затылок от стыда порозовел. Она подошла к нему сзади и прямо в ухо укоризненно пощелкала языком: ай-я-яй.

– Как тут у тебя вкусно пахнет, – почти с возмущением произнес Лен. – Кое-кто славно позавтракал!

– Блинами, – кивнула она.

«Только, пожалуйста, не заставляй меня спрашивать, почему ты здесь. Пожалуйста, хоть раз скажи сам, зачем ты приехал».

– Не возражаешь, если я присяду? – спросил он, присаживаясь на краешек дивана рядом с Либби. – Это кто? – спросил он, внимательно на нее глядя. Он раз десять видел девочек, но никогда толком не мог определить, кто есть кто, и даже не пытался запомнить. А однажды назвал Мишель «Сюзан».

– Это Либби.

– У нее такие же рыжие волосы, как у мамы.

Да, такие же. Но она не могла заставить себя сказать это вслух. Чем дольше Лен не переходил к теме своего визита, тем тревожнее ей становилось. Даже спина взмокла.

– Рыжие волосы у вас от ирландских предков? Вы родом из Ирландии?

– Нет, из Германии. Моя девичья фамилия Краузе.

– Надо же, как забавно. Потому что «краус» означает кудрявый, а не рыжий. У вас ведь ни у кого не вьются волосы. Они скорее волнистые. А у меня тоже немецкие корни.

Такой разговор происходил между ними и раньше, он всегда развивался в одном из двух возможных направлений. При другом повороте беседы Лен говорил: забавно, что ее девичья фамилия Краузе, потому что так называется компания по производству сельскохозяйственной техники и инвентаря, и очень жаль, что она не родственница. Но и в том и в этом случае она испытывала страшное напряжение.

– Итак, – наконец сдалась она, – что-то случилось?

Лен, казалось, жалел, что она перешла к сути дела. Он нахмурился, будто посчитал, что она повела себя бестактно.

– Раз уж ты сама об этом заговорила... Боюсь, случилось нечто очень серьезное. Я решил приехать, чтобы сказать тебе об этом лично. Может, где-нибудь уединимся? – Он кивнул в сторону Либби, делая большие глаза. – Хочешь, пойдем к тебе в комнату или еще куда-нибудь? – У Лена имелось брюшко, круглое, как в начале беременности. Нет, уединяться с ним совсем не хотелось – ни у себя в комнате, ни в каком бы то ни было другом месте.

– Либби, пойдика глянь, что там делают девочки, хорошо? – Мне нужно поговорить с мистером Вернером.

Либби вздохнула и медленно сползла с дивана: сначала ноги, потом попа, потом спина – словно клей из тюбика. Оказавшись на полу, несколько раз старательно перекатилась, немного проползла и наконец встала на ноги и потопала по коридору.

Пэтти и Лен посмотрели друг на друга, он вытянул губы дудочкой и покивал:

– Ферму собираются объявить банкротом и пустить с молотка.

У нее все сжалось внутри. Но нет, она не будет лить слезы перед этим человеком.

– Что мы можем сделать?

– Мы-ы-ы... Боюсь, у нас нет вариантов. Я и так полгода их придерживал, но больше не могу этого делать, потому что рискую потерять работу. Хозяйка фермы... – Он улыбнулся и сжал ей коленку. Захотелось вцепиться ему в лицо. В комнате девочек заскрипел матрац – это Дебби прыгает на кровати – ее любимое занятие, – потом она начнет перепрыгивать с одной кровати на другую.

– Пэтти, этот вопрос можно решить только при помощи денег. Срочно. Если, конечно, ты хочешь сохранить ферму. Возьми в долг, проси милостыню, укради, в конце концов. Слушай, времени для гордости не осталось. Поэтому реши, нужна ли тебе эта ферма?

Матрацы заскрипели сильнее. У Пэтти в животе перевернулась съеденная на завтрак яичница. Лен продолжал плотоядно улыбаться.

Либби Дэй

Наши дни

После того как моей матери снесли часть черепа выстрелами из ружья, а тело топором почти разрубили надвое, жители Киннаки начали задаваться вопросом, а не занималась ли она проституцией. Сначала это были только вопросы, затем предположения, а позже об этом говорили уже почти определенно. Люди припоминали, что по ночам у дома видели машины. И на мужчин-то она смотрела, как шлюха. А Верн Ивли в таких случаях всегда замечал, что в восемьдесят втором Пэтти, кажется, даже продала сеялку (будто этот факт доказывает, что она торговала собственным телом!).

Конечно, кого винить, если не жертву! Слухи обрастали новыми подробностями и становились все реальнее: у каждого непременно находился друг, у которого был двоюродный брат, а у того приятель, который и спал с моей матерью. У каждого имелось хотя бы незначительное пикантное доказательство: рассказывали о родинке на бедре, о шраме на правой ягодице. Вряд ли эти истории соответствовали действительности, но с уверенностью я утверждать не могу, как не могу с уверенностью говорить об очень многих событиях своего детства. Много ли человек помнит из того времени, когда ему было семь лет? На фотографиях мама не похожа на неразборчивую в связях развратницу. На юношеских снимках она – воплощение привлекательности; забранные в пышный хвост рыжие волосы фейерверком рассыпаются по спине и плечам. Такие обычно напоминают соседскую девочку, которую родители иногда просят посидеть с детьми, – детям она всегда нравится. После двадцати, когда за нее цепляется сначала один ребенок, потом карабкается второй, а потом и все четверо, улыбка становится шире, но она какая-то затравленная; и на всех снимках мать как будто отстраняется от одного из нас. Как будто мы все время держим ее на осадном положении. Одним своим количеством. Но когда ей исполнилось тридцать, фотографий резко поубавилось. На немногих имеющихся она послушно улыбается в объектив, но это та самая улыбка, которая после вспышки тут же гаснет. Я много лет не разглядывала эти снимки, хотя когда-то не могла от них оторваться: изучала мамину одежду, выражение лица, все, что было на заднем плане. Чья там рука у нее на плече? Где это она? По какому случаю фотографировалась? Но однажды, еще подростком, я вдруг убрала их подальше вместе со всеми остальными вещами из того времени.

И вот теперь я виновато стояла перед сгорбившейся под лестницей пирамидой коробок, собираясь с силами, чтобы заново узнать собственную семью. Записка Мишель, которую я понесла в Клуб, первой попала под руку, когда, не в силах открыть коробки, я пошарила в уголке той, где ослабла бечевка, – жалкая попытка спрятать голову в песок. Нет, так дело не пойдет, – если я все-таки решилась взвалить на себя эту ношу, если действительно собралась размышлять над убийствами в моей семье после стольких лет, когда я тщательно обходила эту тему стороной, я должна научиться смотреть на вещи из дома моего детства без паники и ужаса: вот наш старый металлический венчик для взбивания яиц – его звук напоминал звон колокольчика на санной упряжке, если повернуть его быстро-быстро; вот погнутые ножи и кривые вилки, которые побывали в наших ртах; несколько книжек-раскрасок – с аккуратной рамочкой, нарисованной цветными карандашами, если это раскраска Мишель, с нетерпеливыми закорючками – на моей. Посмотреть на все как на обычные предметы.

А потом уж решить, что продавать.

Конечно, самое желанное из дома Дэев для членов этого Клуба Сумасшедших недоступно. Мамино охотничье ружье, из которого ее же и убили, припрятано в каком-нибудь специальном шкафу для улик вместе с топором из нашей кладовки. (Это тоже стало одной из причин, почему Бена осудили: орудия убийства были взяты прямо в доме. Убийца со стороны не приходит в спящий дом с голыми руками в надежде прямо на месте подыскать, чем бы убить.) Иногда я пытаюсь представить себе те топор и ружье, а еще простыни, на которых умерла Мишель. Где все это сейчас – в одном большом ящике, липкое или закаменевшее от крови и грязи? Или уже вычищенное? Чем будет пахнуть, если открыть ящик? Я помню тот ударивший в нос тошнотворный запах разложения и тлена через несколько часов после убийств. Стал ли он еще страшнее по прошествии стольких лет?

Когда-то в чикагском музее я увидела предметы, связанные со смертью президента Линкольна: пряди волос, фрагменты пули, узкая, жесткая кровать, на которой он умер, продавленный посередине матрац, будто навсегда сохранивший его последний отпечаток. Для меня экскурсия закончилась тем, что я помчалась в туалет и прижалась лицом к холодной двери кабинки, чтобы не потерять сознание. А как бы сейчас выглядел дом Дэев, если, собрав все предметы и улики, выставить их на всеобщее обозрение? Кто придет на них смотреть? Сколько окровавленных маминых волос оказалось бы под стеклом? Осталось ли что-то от стен, исписанных отвратительными грязными словами? Можно ли собрать охапку камышей, в которых я пряталась столько часов? Или превратить в экспонат фалангу моего отмороженного пальца на руке? Или три ампутированных пальца ноги?

Я отвернулась от коробок (нет, пока не готова) и присела к письменному столу, одновременно служившему мне обеденным, разбирать почту. Ненормальная Барб прислала всякую хрень. Записанную в 1984 году видеокассету под названием «Угроза целомудрию: сатанизм в Америке»; целый пакет соединенных скрепкой вырезок из газет со статьями об убийстве моей семьи; несколько поляроидных снимков Барб возле здания суда, где судили Бена; руководство «Твоя тюрьма – твоя семья. Как научиться не замечать решетку» с загнутыми в нескольких местах страницами.

Скрепку я бросила в емкость для скрепок на кухне (никогда не покупайте ни скрепки, ни ручки – это добро имеется в свободном доступе в любом офисе), потом вставила видеокассету в древний проигрыватель. Щелчок, жужжание, глуховатый треск – и на экране замелькали изображения перевернутых пентаграмм и мужчин с козлиными рогами, оружие рок-группы и мертвые тела. Молодой человек приятной наружности с модной по тем временам симпатичной стрижкой, сбрызнутой лаком, шел вдоль стены, сплошь покрытой граффити, со словами: «Наше видео поможет вам распознавать сатанистов и даже замечать в самых близких и любимых людях признаки того, что они, вероятно, заигрывают с этой очень и очень реальной опасностью». На видео были представлены интервью ведущего со священниками, полицейскими и даже «самыми настоящими сатанистами». Два самых влиятельных сатаниста в черных балахонах с подведенными черным карандашом глазами и вытатуированными по всей шее пентаграммами отвечали на вопросы у себя в гостиной на дешевой кушетке, справа виднелась кухня с желтым холодильником, мерно гудевшим на линолеуме с веселеньким узором. Я представила, как после интервью мужики ринулись к холодильнику и начали в нем рыться в поисках салата с тунцом и бутылочки колы и как мешали им балахоны. Я выключила видик как раз в тот момент, когда ведущий начал советовать родителям тщательно проверять комнаты отпрысков на предмет обнаружения там символических фигурок и колдовских досок с нанесенными на них буквами и цифрами.

Вырезки из газет оказались столь же бесполезны, к тому же было совершенно непонятно, для чего Барб прислала свои фотографии. Я сидела в полной беспомощности. А еще ничего не хотелось делать. Для изучения вопроса можно было бы, конечно, пойти в библиотеку, потому что я так и не установила у себя Интернет, хотя еще три года назад решила это сделать. Правда, сейчас я бы и в Интернет не стала залезать – что уж говорить о том, чтобы куда-то идти, – потому что чувствовала себя совершенно разбитой. И я позвонила Лайлу. Он поднял трубку после первого же гудка:

– Либби! Рад снова вас слышать. Я собирался вам звонить. Извините за то, что произошло в Клубе. Вам, возможно, показалось, что все против вас ополчились и начали травить, но, честное слово, все должно было пройти совершенно иначе.

Хорошие слова говорит парень, подумала я.

– Да уж, допекли.

– Я не учел, что у нас собственные версии, но ни одна не рассматривает Бена как убийцу. И не принял это во внимание, вот и все. А вы не можете не воспринимать это по-другому. То есть я хочу сказать, что мы вроде как всё знаем, но в то же время не знаем. И никогда не узнаем. Наверное. И не прочувствуем так, как вы. Вы в своей жизни столько раз об этом говорили и спорили, что это стало... но... В общем... прошу прощения.

Очень не хотелось, чтобы Лайл мне нравился, поскольку я уже решила для себя, что он козел и мудака. Тем не менее я в состоянии по достоинству оценить, если человек прямо и честно просит прощения. Сама я на такое не способна, но горячо приветствую это качество в других людях – точно так же, как человек, лишенный слуха, способен наслаждаться произведением музыкальной классики.

– Ну что ж...

– У нас очень многие по-прежнему готовы приобрести что-нибудь памятное, если вы захотите что-то продать. Если, конечно, вы звоните по этому поводу.

– Нет, я позвонила просто так. Я сейчас много думаю об этом деле, – сказала я и многозначительно замолчала.

Мы встретились неподалеку от моего дома в баре с названием «У Сары», что меня всегда смущало, но местечко было довольно милым и просторным. Не люблю, когда люди вокруг оказываются слишком близко. Лайл уже ждал и, завидев меня, привстал и подался вперед, чтобы обнять. Из-за этого его длинному телу пришлось изгибаться и складываться пополам. Дужка очков ткнулась мне в щеку. На нем был очередной кургузый пиджачок в стиле восьмидесятых, на этот раз из джинсы, утыканный круглыми значками с лозунгами «Выпил – за руль не садись!», «Твори добро не по заказу», «Прокатим выборы». Когда он садился на место, значки нестройно позвякивали. Я решила, что Лайл лет на десять моложе меня, но не могла определить, с иронией ли он одевается в ретро или по глупости и недомыслию.

Он снова пустился в извинения, но мне хватило прежних. Спасибо, достаточно.

– Слушайте, я ведь даже не говорю, что меня вдохновляет мысль о невинности Бена, и не признаю?, что допустила какие-то ошибки в своих показаниях.

Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но тут же его захлопнул.

– Но если я вдруг решу глубже заняться этим делом, готов ли Клуб оплатить мне какие-либо расходы? Оплатить, так сказать, мое время.

– Либби, это же здорово! Здорово, что вы заинтересовались, – сказал Лайл.

Терпеть не могу этот снисходительный тон: неужели он не понимает, что разговаривает с человеком старше себя хотя бы по возрасту?! Он напоминал ребенка, который по окончании урока, когда остальные дети нетерпеливо переминаются под партами с ноги на ногу, на вопрос учителя, есть ли вопросы, действительно их задает.

– В общем, хочу сказать, что у всех у нас свои версии, но перед вами откроется куда больше дверей, чем перед любым из нас, – сказал Лайл, нервно дергая ногой под столом. – Дело в том, что с вами хотят говорить.

– Наверное, да.

Я махнула рукой в сторону кувшина рядом с ним, и он налил мне оттуда пива в пластиковый стакан, но получилось, что в стакане оказалась одна пена. Он тут же, приложив палец к носу, опустил палец в стакан и, сбив пену, подлил пива.

– Итак, какая компенсация вас устроит?

Он передал мне стакан, я поставила его перед собой, не решаясь сделать глоток после его манипуляций.

– Может быть, имеет смысл рассматривать каждый случай отдельно? – сказала я, делая вид, что раньше это не приходило мне в голову. – Наверное, в зависимости от усилий, которые придется затратить на поиски нужного человека, и от тех вопросов, которые вы захотите ему через меня задать.

– Знаете, список у нас будет длинным. А вы действительно совсем не общаетесь с Раннером? У большинства из нас он на первом месте.

Раннер, чтоб его, блин... За последние три года он один раз мне позвонил и сначала бормотал в трубку что-то нечленораздельное, а потом перешел на крик: срочно вышли денег! С тех пор ни слуху ни духу. Черт, да и до этого звонка он нечасто проявлялся. Время от времени он материализовывался во время судебного процесса над Беном, иногда в странном пиджаке и галстуке, но в основном в том же, в чем спал, – настолько пьяным он являлся. В конце концов адвокат Бена попросил его больше не приходить.

Сейчас он представал в еще худшем свете, ведь все в Клубе утверждали, что убийца – он. Еще до убийств он, насколько мне известно, трижды попадал за решетку, правда, по каким-то пустякам. И тем не менее Раннер вечно ходил в долгах из-за азартных игр, а ставки он делал везде – на спортивных соревнованиях, на собачьих бегах, в бинго – и на все, даже на прогноз погоды. К тому же его когда-то обязали платить алименты на наше содержание. Убийство семьи избавило бы его от этого.

Вот только я никак не могла представить, чтобы Раннер мог выкрутиться после такого: кишка тонковата, да и амбиций определенно не хватает. Он даже для несчастной оставшейся в живых собственной дочери был хреновым отцом. После убийств он несколько лет болтался в Киннаки и окрестностях, время от времени куда-то пропадая не на один месяц и присылая мне перевязанные изолентой коробочки то из Айдахо, то из Алабамы, то из Уиннера в Южной Дакоте с фигурками девочек то с зонтиком, то с котенком. Впрочем, до меня всегда доходили только черепки. Я знала, когда он возвращается в Киннаки, не потому, что он меня навещал, а потому, что в окнах убогого домика на горе зажигался такой же убогий огонек. Если Диана натыкалась на него где-то в городе, то дома, дымя сигаретой, бурчала что-то вроде «явился не запылится». Было в нем что-то жалкое и одновременно пугающее.

Вероятно, мне все-таки крупно повезло, что он лишил меня своего общества. Когда летом за полгода до убийств Раннер к нам вернулся, он только и делал, что дразнил меня и злил. Сначала бросал на меня косые взгляды или хватал за нос, но потом его шутки становились все злее. Однажды, придя с рыбалки, он протопал по всему дому в огромных мокрых сапогах и начал барабанить в дверь ванной, где я в это время купалась, и орать: «А ну, открывай! У меня для тебя сюрприз!» В конце концов он вышиб дверь, ввалился в ванную с узлом в руках и, дыша пивным перегаром, плюхнул мне в воду живую полуметровую зубатку. Больше всего меня тогда напугала бессмысленность этой выходки. В панике я начала биться и барахтаться в воде, потому что рыбина разевала усатый рот, как

какое-то ископаемое чудовище, и противной скользкой кожей задевала тело. Мне казалось, она ухватит меня за пятку и двинется вверх по ноге, надеваясь на нее, как сапог.

Я выпрыгнула из ванны и, мокрая, в ужасе помчалась по ковру, а Раннер вопил вслед, чтобы я прекратила хныкать, как младенец. «Надо же, все дети у меня трусливые слабаки».

Мы тогда три дня не мылись, потому что рыбина жила в ванне, – Раннер, видите ли, устал и не мог ее убить. Наверное, моя лень – от него.

– Понятия не имею, где он может находиться. Для меня это всегда было загадкой. По последним из доходивших до меня слухов, он сейчас где-то в Арканзасе. Но это слухи годичной давности. В лучшем случае.

– Хорошо бы все-таки его найти. Некоторые абсолютно точно хотят, чтобы вы с ним поговорили. Я, правда, не считаю, что убийца – Раннер, – сказал Лайл. – Хотя, учитывая его долги и гадости, которые он делал, у него-то была прямая выгода пойти на убийство.

– А еще он псих.

– Без обид, – слегка улыбнулся Лайл (улыбка, надо сказать, у него была милая), – но я уверен, у него бы духу не хватило такое сотворить.

– Я не обижаюсь. В таком случае какова ваша версия?

– Я пока не готов ее озвучить. – Он похлопал по стопке папок возле себя. – Сначала дам вам ознакомиться с фактами, имеющими отношение к делу.

– Да помилуйте же! – сказала я и тут же поняла, что это мамино слово, – я точно так же сложила губы, произнося «п». Как она когда-то говорила: «Помилуйте же! Куда запропастились мои ключи!» – Помилуйте! Но если Бен не виновен, почему он не пытается выйти из тюрьмы?

В моем голосе зазвенели высокие требовательные нотки обиженного ребенка: почему, ну почему меня лишили сладкого? Я вдруг поняла, что где-то в глубине

души надеюсь, что Бен невиновен, что мне его вернут – Бена, каким я его знала до того, как начала бояться. Я попробовала представить его на свободе: вот он решительно поднимается к моему дому, руки в карманах (еще одно воспоминание, которое вдруг всплыло, как только я позволила себе снова начать думать: вечно сконфуженный Бен с руками, засунутыми глубоко в карманы). Бен сидит у меня за обеденным столом, если бы у меня таковой имелся, счастливый, простивший: не переживай, ничего страшного не произошло! Если, конечно, он невиновен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/gillian-flinn/temnye-tayny-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)